

14-й ВѢКЪ.

Фигура Данте господствуетъ надъ вѣкомъ; слѣдующія поколѣнія ревностно заняты имъ, и наряду съ безчисленными комментаторами онъ естественно нашель и подражателей. Но творческое произведе- ніе Данте было до такой степени связано съ его индивидуальнымъ дарованіемъ, что здѣсь еще менѣе, чѣмъ въ другихъ выдающихся поэтическихъ произведеніяхъ, подражателямъ было возможно овла- дѣть его своеобразными элементами. Единственное, что было возмож- нымъ, это повторить рядъ внѣшнихъ чертъ. Къ тому же, если тог- дашніе читатели могли правильно воспринимать поэзію «Божествен- ной Комедіи», врядъ ли они были въ состояніи постигнуть истинное ея происхожденіе; ее понимали главнымъ образомъ, какъ произве- деніе, отмѣченное поразительной ученостью, и поэтому какой-нибудь Фаціо дельи Уберти долженъ былъ думать, что онъ создалъ нѣчто весьма подобное произведенію Данте, когда онъ напичкалъ свою книгу Dittamondo находившейся въ его распоряженіи непереваренной уче- ностью.

Фаціо, сынъ нѣкоего Таддео, былъ внукомъ того Лапо, который принадлежалъ къ новой флорентинской школѣ поэтовъ, и правнукомъ благороднаго Фарината, увѣковѣченнаго въ «Божественной Комедіи». Онъ принадлежалъ къ извѣстной и нѣкогда столь могущественной флорентинской фамиліи Уберти, которая, какъ никакая другая, всегда съ непоколебимостью держалась гибеллинской партіи, поэтому, будучи изгнана въ 1268-мъ году изъ Флоренціи, слѣвавшей совершенно гвельфской, она фигурировала во главѣ изгнанныхъ въ каждомъ новомъ декретѣ изгнанія. Такимъ образомъ, Фаціо родился въ изгнаніи (вѣ- роятно въ Пизѣ) и провелъ въ немъ всю жизнь, находясь то здѣсь, то тамъ, по бѣльшей же части оставаясь въ Верхней Италіи. Его часто угнетала нужда; канцона Lasso, che quando immaginando vegno, представляетъ изъ себя жалобу на лишенія, на бѣдность, которая приняла его въ свои объятія при самомъ рожденіи и оставалась его

постоянной спутницей, на униженія, которыя онъ долженъ былъ благодаря этому испытывать, — искренніе и правдивые звуки, вырвавшіеся изъ глубины сердца угнетеннаго и бездомнаго скитальца. Это печальное положеніе оказало свое вліяніе на его характеръ. Филиппо Виллани обвиняетъ его, что онъ ради денегъ льстилъ вліятельнымъ лицамъ. Во время пребыванія въ Веронѣ въ 1336-мъ году, онъ довольно неизящно отдѣлалъ въ своей *frottola*, *O tu che leggi*, партію клятвопреступнаго властителя города, Мартино делла Скала, и отнесся съ насмѣшкой къ посольству флорентинцевъ, которое требовало лишь принадлежащую имъ по праву Лукку, доставшуюся имъ по договору. Позднѣе онъ повидимому находился въ теченіи продолжительнаго времени при дворѣ властителей миланскихъ; онъ написалъ сонетное письмо къ Луккино Висконти (передъ 1349-мъ годомъ); около 1355-го года, онъ обратился къ Бернабо и Галеаццо съ канцоной, въ которой рекомендовалъ имъ упражненіе въ добродѣтеляхъ, приличныхъ властителямъ, причемъ особенно указывалъ на щедрость, въ чемъ мы узнаемъ придворнаго, находящагося въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Однако, если Фаціо такимъ образомъ склонялся подъ гнетомъ обстоятельствъ, онъ не былъ натурой неблагородной; онъ былъ исполненъ высокаго и горячаго патріотизма, который находитъ свое выраженіе во многихъ мѣстахъ его лирическихъ произведеній и является единственнымъ поэтическимъ элементомъ въ его большой поэмѣ.

Dittamondo написано въ позднѣйшій періодъ его жизни; сообразно съ имѣющимися здѣсь историческими указаніями, онъ работалъ надъ нимъ двадцать лѣтъ, (началъ передъ 1348-мъ и кончилъ въ 1367-мъ), и притомъ такимъ образомъ, что нерѣдко послѣ долгаго періода онъ опять возвращался къ прежнимъ частямъ. Быть можетъ однако мы должны, какъ при разборѣ Данте, различать вымышленное время разсказываемаго странствія и время дѣйствительнаго писанія. Авторъ назвалъ свое произведеніе *Dittamondo*, т. е. *Dieta Mundi*, ибо оно представляетъ изъ себя географическое описаніе міра, въ которое вставлены отрывки изъ всеобщей исторіи. Онъ начинается, какъ Данте, обращеніемъ — въ срединѣ жизненнаго пути, когда онъ узнаетъ, что всякое существованіе суетно, исключая того, которое созерцаетъ Бога, или того, которое послѣ смерти оставляетъ достойный плодъ. Мы видимъ, какъ мѣняются времена и какъ съ аскетическимъ идеаломъ уже сочетается болѣе современное стремленіе къ почетной дѣятельности. Таковую избираетъ поэтъ; для блага своего и для пользы другихъ, онъ хочетъ предпринять великое странствіе. Данте шествуетъ по тремъ царствамъ иного міра, Фаціо по тремъ, тогда извѣстнымъ, частямъ нашего земнаго шара. У него также есть руководитель; въ «Божественной Комедіи» эту роль исполнялъ *Виргилій*, античный поэтъ; въ *Dittamondo* — *Солинъ*, древній географъ, произведеніе котораго было въ дѣйствительности однимъ изъ главныхъ

источниковъ Фаціо; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Фаціо просто переложилъ его трактатъ въ рифмованные стихи. Выступаютъ также другія античныя фигуры и олицетворенія, но все это пустыя абстракціи, не имѣющія ни малѣйшаго слѣда индивидуальной жизни. Едва только Фаціо отправляется въ путь вмѣстѣ съ своимъ Солино, какъ они встрѣчаютъ матрону въ растерзанномъ одѣяніи, но исполненную величія. — Римъ; эта матрона рассказываетъ свою исторію, древнюю и средневѣковую, причемъ ея рассказъ является длинной и сухой хроникой, исполненной именъ и чиселъ. Затѣмъ начинается странствіе по Южной и послѣ этого по Сѣверной Итали. Отъ этого описанія родины поэта, различныя мѣста которой онъ видѣлъ собственными глазами, мы вправѣ были бы требовать чего-нибудь особенно интереснаго, но насъ ждетъ разочарованіе. Мы получаемъ безсистемное перечисленіе городовъ и мѣстностей, въ которомъ тамъ и сямъ разбросаны отдѣльныя замѣчанія; здѣсь указано мѣстоположеніе, тамъ достопримѣчательность, какое-нибудь явленіе природы, историческій фактъ, легенда, ходячая басня объ основаніи города, или обычное этимологическое объясненіе географическаго названія, все это въ такомъ порядкѣ, какъ заблагоразсудится автору. Нигдѣ нѣтъ какого-нибудь существеннаго пейзажа, вообще ничего, что могло бы приковывать интересъ въ путевыхъ картинахъ, авторъ слишкомъ торопливъ и въ то же время не обладаетъ, какъ Данте, способностью въ немногихъ бѣглыхъ штрихахъ дать наглядное изображеніе; въ цѣломъ получается монотонный реестръ. Одно за другимъ слѣдуютъ описанія Греціи, Сициліи, Скандинавіи, Богеміи, Германіи, Франціи, Англии и Испаніи, съ историческими отступленіями тамъ и сямъ; при описаніи Греціи затронуты классическія мифы; въ Македоніи скульптурныя изваянія въ loggia одного дворца изображаютъ дѣянія Геркулеса и македонскихъ царей; при описаніи Франціи и Англии наряду съ исторіей упомянуты древнія рыцарскія саги. Странствіе по Африкѣ, и въ особенности по Египту, исполнено рассказовъ о чудесахъ природы, о животныхъ, растеніяхъ, камняхъ, объ уродливыхъ народностяхъ. Отсюда авторъ переходитъ въ Святую Землю; но и религиозный энтузіазмъ не выбиваетъ его изъ обычныхъ рамокъ сухого повѣствованія. Одинъ изъ пилигримовъ рассказываетъ библейскую исторію мірозданія до пророковъ. Вмѣстѣ съ этимъ къ половинѣ 6-й книги поэма прерывается; Азія почти совершенно отсутствуетъ. Смерть помѣшала автору кончить произведеніе; онъ умеръ вскорѣ послѣ 1367-го года.

Если Фаціо дельи Уберти, при своемъ совершенно иномъ сюжетѣ, въ безчисленныхъ частностяхъ подражалъ «Божественной Комедіи», если онъ даже заимствовалъ изъ нея многія слова, это обстоятельство служитъ только къ тому, что, напоминая постоянно объ оригиналѣ, живо даетъ намъ чувствовать всю разницу его сравнительно

съ этой неуклюжей копией. Въ особенности комиченъ бываетъ Фаціо, когда онъ дѣлаетъ время отъ времени чувствительную мину и хочетъ, по примѣру Данте, оживить свой сухой трактатъ какой-нибудь нѣжной сценой, напр., V, 1, гдѣ онъ на берегу Африки встрѣчаетъ въ лодкѣ Плинія, съ любовью обнимаетъ его и говоритъ: «о, возлюбленный отецъ... Ты знаешь мое желаніе, ты знаешь мое пылкое стремленіе», — и возлюбленный отецъ удовлетворяетъ его желаніе, начиная говорить о зодіакѣ.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ Dittamondo поэтъ говоритъ о политическихъ отношеніяхъ своего времени; Римъ сѣтуетъ на свое запустѣніе; онъ не надѣется болѣе на нѣмцевъ, грековъ или французовъ, ибо всякій чужестранецъ ищетъ только своей выгоды; не найдеть ли онъ рыцаря — избавителя среди собственныхъ сыновъ? (II, 6). Въ другомъ мѣстѣ авторъ обращается противъ Карла IV. (IV, 13), противъ испорченности авиньонской куріи (IV, 21), противъ папы и императора вмѣстѣ, потому что они предають святую землю сарацинамъ (VI, 5). Однако и эти инвективы не облекаются въ надлежащую форму; гораздо болѣе дѣйствительными являются они въ канцонахъ Фаціо, какъ вообще его лирика стоитъ гораздо выше его поэмы. Сообразно съ традиціей своей фамиліи, онъ началъ, какъ ревностный боецъ средневѣковой гибеллинской идеи, въ пѣснѣ *Tanto son volti i ciel di parte in parte* (послѣ 1343) онъ побуждалъ Людовика Баварскаго къ новому римскому походу, онъ сопровождалъ походъ Карла IV радостными надеждами; но послѣ того какъ этотъ послѣдній оказался безрезультатнымъ, Фаціо, какъ и столь многіе другіе, былъ крайне разочарованъ; канцона *Quella virtù che'l terzo cielo infonde* (послѣ 1356) является жалобой Рима, который убѣждаетъ его, чтобы онъ, Фаціо, пробудилъ итальянцевъ отъ ихъ бездѣятельности, — пусть они требуютъ отъ императора установленія могучей и наслѣдственной королевской власти; а въ канцонѣ *Di quel possi tu ver che bevve Crasso*, являющейся лучшимъ стихотвореніемъ Фаціо, олицетворенная Италія въ самыхъ смѣлыхъ и дерзкихъ выраженіяхъ проклинаетъ Карла IV, забывшаго свой долгъ, и спрашиваетъ Юпитера, почему онъ не вырветъ у него и у другихъ «прожорливыхъ нѣмцевъ» царственного орла и не возвратитъ его благороднымъ латинянамъ, которые быть можетъ еще сдумѣли бы носить его съ честью. Въ этихъ пѣсняхъ творчество Фаціо принимаетъ весьма современный характеръ; мысль о національномъ единствѣ при наслѣдственной королевской власти впервые получаетъ прочныя очертанія. Но эти стихотворенія относятся уже ко второй половинѣ столѣтія, они слѣдуютъ за расцвѣтомъ поэзіи Петрарки, и новыя политическія идеи указываютъ на конецъ среднихъ вѣковъ.

Фаціо дельи Уберти — восторженный поклонникъ Данте. Какъ разъ обратное явленіе представляетъ изъ себя другой поэтъ, который, бу-

дучи значительно старше Фаціо, находился съ авторомъ «Божественной Комедіи» еще въ личныхъ отношеніяхъ, именно, Франческо ди Симоне Стабили изъ Асколи (въ Маркѣ) или, какъ онъ вообще называется, Чекко д'Асколи. Онъ озаглавилъ сочиненную имъ около 1326 года поэмѣ—L'Ascega; что онъ хотѣлъ этимъ сказать, подлежитъ сомнѣнію; но вѣроятнѣе всего нужно разумѣть Горега асегба, «горькое, тернистое произведеніе», — указаніе на трудность разрабатываемаго сюжета. Обиліемъ темныхъ мѣстъ произведеніе какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ своему заглавію. Чекко видимо считаетъ свою Ascega созданиемъ болѣе поучительнымъ, нежели «Божественная Комедія»; въ саниемъ началѣ и потомъ неоднократно, при малѣйшемъ предлогѣ, онъ нападаетъ на Данте; онъ отрицаетъ, чтобъ этотъ послѣдній былъ когда-нибудь въ раю, какъ онъ это рассказываетъ въ своей поэмѣ; напротивъ, въ адъ онъ былъ приведенъ своей слабой вѣрой, тамъ всегда онъ и оставался и никогда не возвращался къ намъ. Въ пылу своей полемики Чекко даже не даетъ себѣ труда понять то, что онъ порицаетъ; такъ напр. (II, 1) онъ упрекаетъ Данте, что тотъ подчиняетъ все на землѣ Фортунѣ, и защищаетъ въ противовѣсъ ему свободную волю разумной души, которая можетъ преобороть вліяніе свѣтилъ, какъ будто Данте не держался совершенно такого же мнѣнія; или онъ обвиняетъ его, что Данте не зналъ истинной любви, потому что въ сонетѣ къ Чино изъ Пистойи онъ объясняетъ возможность переменъ чувства (III, 1); Данте вмѣняется въ вину даже и то, что онъ обошелъ молчаніемъ ложное возрѣніе своего друга Гвидо Кавальканти и не опровергалъ его. Въ шестистроичныхъ строфахъ, являющихся ничѣмъ инымъ, какъ преобразованиемъ терцины (A B A C B C), сухимъ и безцвѣтнымъ языкомъ, еще переполненнымъ элементами діалекта, поэма Чекко поучаетъ насъ прежде всего по вопросамъ астрономическимъ и метеорологическимъ, затѣмъ трактуетъ о человѣкѣ, о добродѣтеляхъ и порокахъ, приводя это также въ связь съ небесными вліяніями, о любви, слѣдую теоріи Гвиничелли, о животныхъ, съ моральными истолкованіями ихъ качествъ, на манеръ bestiаріевъ, о драгоценныхъ камняхъ и ихъ свойствахъ, на манеръ lapidаріевъ, и наконецъ разрѣшаетъ еще цѣлый рядъ сомнѣній касательно отдѣльныхъ естественно-историческихъ и психологическихъ явленій. Выказавъ всю эту премудрость, авторъ кичится въ ущербъ Данте и заключаетъ слѣдующими скверными стишонками, дающими намъ представленіе о его манерѣ: «Здѣсь не поютъ на манеръ лягушекъ, здѣсь не поютъ на манеръ поэта, который, фантазируя, выдумываетъ празднаго духа того, кто ее понимаетъ; здѣсь не живутъ въ дремучемъ лѣсу. Здѣсь не вижу я ни Паоло, ни Франчески; не вижу Альбериги дели Манфреди... Не вижу я графа, который въ гнѣвъ и въ ярости ухватился за архіепископа Руджеро, выпившись ему въ голову своей страшной пастью;

не вижу я, чтобы Богъ дѣлалъ здѣсь насмѣшливыя гримасы» (онъ разумѣетъ Ванни Фуччи, Inf. XXV, 2); «шутки я бросаю въ сторону и обращаюсь къ правдѣ; я всегда былъ врагомъ вымысла».

Qui non se canta al modo dele rane,
 Qui non se canta al modo del poeta,
 Che finge imaginando cosse vane;
 Ma qui respiende e luce onne natura,
 Che a chi intende fa la mente lieta;
 Qui non se regna per la selva oscura.
 Qui non vego nè Paulo nè Francesca;
 Deli Manfredi non vego Alberigo...
 Non vego il conte che per ira et asto
 Ten forte l'arcevescovo Ruggero
 Prendendo del so ceffo fero pasto;
 Non vego qui squadrare a Dio le fiche;
 Lasso le zanze e torno su nel vero:
 Le favole me fo sempre inimiche.

Достопочтенный маэстро Чекко—врагъ вымысла, онъ не даетъ простора воображенію и этимъ самымъ произноситъ свой собственный приговоръ. Онъ хотѣлъ представить въ смѣшномъ видѣ Данте, и вмѣсто этого мы смѣемся надъ нимъ самимъ; пигмей съ докторскими очками на носу дерзаетъ состязаться съ гигантомъ, который долженъ былъ бы внушать ему почтеніе или по крайней мѣрѣ страхъ. Его самовѣніе основывалось на вѣрѣ въ знаніе, которымъ онъ обладалъ, оно будетъ еще болѣе понятнымъ для насъ, если мы примемъ во вниманіе, что онъ въ особенности ревностно занимался астрологіей, которая до извѣстной степени считалась наукой пророческой, провидящей судьбу человѣка, и возбуждала суевѣрное почтеніе среди толпы, такъ что Чекко въ свое время производилъ глубокое впечатлѣніе. Его ученость, которую онъ изложилъ, кромѣ Асера, въ латинскомъ комментарий къ Sphaera, — астрономическій трактатъ Іоанна а Сакробоско, долгое время бывшій общеупотребительнымъ, — весьма обширна, но конечно она является неясной и дикой путаницей; однако наряду съ массой ходячихъ ошибокъ и суевѣрій, у него повидимому можно найти нѣсколько научныхъ истинъ. Онъ съ важностью смотрѣлъ на поэтическія прикрасы, какъ на помѣху, какъ на лишнюю бездѣлушку; онъ не употреблялъ обычныхъ тогда въ дидактикѣ аллегоріи и олицетворенія и считалъ это своимъ преимуществомъ; онъ хотѣлъ давать истину безъ покровъ; но въ этомъ покровѣ вся поэзія. Абстрактная истина, съ другой стороны, страдаетъ отъ изложенія ея въ стихахъ и дѣлается особенно темной въ писаніяхъ такого неуклюжаго риемача. Ученая надменность Чекко является, какъ кажется, хотя отчасти видной его страшной смерти, которая возбуждаетъ наше участіе и смягчаетъ нашъ отзывъ о немъ. Онъ сдѣлался жертвой инквизиціи. Въ болонскомъ университетѣ онъ преподавалъ астрологію; вѣра въ воздѣйствіе

свѣтилъ, съ ограниченіями, которыя Чекко неукоснительно подчеркиваетъ, была тогда всеобщей и отнюдь не считалась ересью; если тѣмъ не менѣе онъ былъ обвиненъ въ ней, мы должны приписать это особеннымъ вліяніямъ, вѣроятнѣе всего навѣтамъ его соперниковъ; Джіованни Виллани (X, 41) называетъ знаменитаго врача Динодель Гарбо, какъ челоувѣка, который наиболѣе повредилъ Чекко. Допрошенный инквизиторомъ Фрате Ламберто дель Чинголо и присужденный къ клятвенному отреченію, къ суровому покаянію и къ оставленію преподавательской должности, онъ покинулъ въ 1324-мъ году Болонью. Три года спустя, онъ находился во Флоренціи, какъ астрологъ герцога Карла Калабрійскаго, который вмѣсто своего отца, короля неаполитанскаго Роберта, управлялъ здѣсь; инквизиторъ Фрате Аккурсіо снова вызвалъ его на судъ и осудилъ за рецидивъ въ ереси. Въ тотъ же самый день (16-го сентября 1327-го года) онъ былъ сожженъ передъ Porta alla Croce. Обѣ его книги по приговору инквизиціи должны были претерпѣть ту же участь; но потомъ они нашли безпрепятственное распространеніе, и въ нихъ совершенно нѣтъ тѣхъ лжеученій, въ которыхъ обвинялся ихъ авторъ. Послѣ своей смерти Чекко д'Асколи сдѣлался легендарнымъ героемъ, онъ появляется въ качествѣ могучаго кудесника въ различныхъ на родныхъ разсказахъ.

Среди дидактическихъ поэтовъ 14-го столѣтія мы находимъ также одного изъ двухъ сыновей Данте, Якопо. Онъ родился около конца 13-го столѣтія, декретомъ 1315 года былъ изгнанъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ и съ братомъ, Піетро, но позднѣе возвратился во Флоренцію, гдѣ въ 1332 году присутствовалъ при раздѣлѣ наслѣдства дѣда Алагіеро съ дядей Франческо. Въ 1343 году, по просьбѣ обращенной къ герцогу афинскому, онъ получилъ имущество, конфискованное у его отца. Согласно съ однимъ, не вполне надежнымъ, свѣдѣніемъ, въ 1326 году онъ получилъ отъ фізоланскаго епископа малыя посвященія; потомъ позднѣе онъ, должно быть, оставилъ духовное состояніе, ибо въ 1346 году былъ намѣренъ жениться на дѣвушкѣ по имени Іакопа ди Биліотто дельи Альфани, однако не исполнилъ своего обѣщанія, былъ поэтому обвиненъ обманутой невѣстой и ея братомъ Доменико, былъ осужденъ судьей (27 октября) и умеръ, кажется, въ 1348 году отъ чумы, послѣ чего (2 марта 1350 года) его наслѣдство было присуждено обвинителямъ, въ силу ихъ гражданскаго иска.

Дидактическая поэма Якопо, озаглавленная *Dottrinale*, написана сетенаріями съ парными римами, какъ *Tesoretto* Брунетто Латини, однако такимъ образомъ, что каждая три пары римъ по смыслу свяваны въ одну строфу; вся поэма состоитъ изъ 60 главъ, въ каждой главѣ по 10 такихъ строфъ; она отличается такимъ образомъ крайне-педантической регулярностью. Якопо разрабатываетъ почти тѣ

же самые сюжеты, что и Чекко д'Асколи, но только съ другой точки зрѣнія. Это небольшая энциклопедія естественныхъ наукъ и этики:

Naturale e morale
No fatto un dottrinale,

такъ заключаетъ онъ самъ. На первомъ мѣстѣ, какъ и въ Асегба, находятся астрономія и метеорологія; послѣ этого онъ переходитъ къ природѣ человѣка, трактуетъ о трехъ теологическихъ и четырехъ основныхъ добродѣтеляхъ, о власти церкви, о власти императорской и о меньшихъ властяхъ, которыя зависятъ отъ двухъ первыхъ, о господствѣ въ семьѣ и надъ самимъ собой, далѣе о любви и женской красотѣ, гдѣ онъ рисуешь ея идеаль, ставя девять (собственно говоря десять) отдѣльныхъ требованій, о ненависти и о свободной волѣ, и въ заключеніи развиваетъ вкратцѣ моральное истолкованіе поэтическаго изображенія трехъ загробныхъ царствъ, сдѣланнаго его отцомъ, и поученіе, которое истекаетъ отсюда касательно нашего бытія. Вторая, моральная часть независима у него отъ первой, физической; астрономическая теорія не господствуетъ здѣсь надо всѣмъ, какъ у Чекко; онъ самъ учитъ о вліяніи свѣтилъ на земныя судьбы, признаетъ также возможность предсказанія общественныхъ событій, каковы—война, голодъ, чума, но отрицаетъ, чтобы можно было съ какой-нибудь опредѣленностью предсказать жизнь и характеръ отдѣльнаго индивидуума, вмѣстѣ съ этимъ онъ отвергаетъ астрологическое искусство въ собственномъ смыслѣ этого слова (XVII слѣд., XXXVII). Передъ нами то же самое воззрѣніе, которое мы видимъ у Данте, и можно было бы подумать, что Якопо написалъ свою поэму съ цѣлью формально опровергнуть Чекко; но этого не видно болѣе или менѣе ясно, и вообще все произведеніе лишено отпечатка индивидуальности. Точно также, касаясь великихъ политическихъ вопросовъ эпохи, къ которымъ съ такимъ волненіемъ относились Данте и Фаціо дельи Уберти, Якопо морализируетъ въ общихъ холодныхъ выраженіяхъ. Достоинно вниманія, что онъ безъ церемонія примѣняетъ къ папѣ и къ императору образъ солнца и луны (XLVI), который его отцомъ былъ отвергнутъ или по крайней мѣрѣ объявленъ опаснымъ, благодаря истекающимъ отсюда жетолкованіямъ. При той массѣ предметовъ, которые Якопо втиснулъ въ свой рѣмованный трактатъ, онъ естественно долженъ былъ почти всегда оставаться поверхностнымъ и внѣшнимъ, и если его стихъ отличается большей легкостью, нежели у Чекко, онъ врядъ-ли болѣе ясенъ. Къ нему не перешла ни одна изъ чертъ генія его отца, и не менѣе ясно это сказывается въ комментаріи къ *Inferno* и въ служащей ему введеніемъ росписи содержанія «Божественной Комедіи», написанной терцинами и съ полнымъ основаніемъ приписываемой ему.

Такимъ образомъ дидактическая поэзія, сбросивъ съ себя всѣ укра-

шенія, опять возвратилась на ту точку зрѣнія, на которой стоялъ въ прошломъ столѣтїи Гвиттоне изъ Ареццо, съ той лишь разницей, что этотъ послѣдній исключительно держался моральной области. Мы видѣли также и непосредственнаго преемника Гвиттоне въ лицѣ сенезийскаго поэта Биндо Боники, который въ 1318 году (съ іюля по октябрь) принадлежалъ въ своемъ родномъ городѣ къ магистрату де-вяти, въ 1322 году былъ въ числѣ властей, надзиравшихъ за построениемъ собора (*operaio del Duomo*), и умеръ 3 января 1338 года. Всѣ его двадцать канцонъ имѣютъ одинаковую длину и одинаковое построение строфъ, если опустить ничтожное различіе въ порядкѣ приемъ, которое характеризуетъ нѣкоторыя изъ нихъ. Въ любви къ внѣшнему единообразію формы онъ сходится съ Якопо Алтиери. Какъ и Гвиттоне, Биндо, при самыхъ искреннихъ, честныхъ намѣреніяхъ, отличается тѣмъ же плоскимъ и сухимъ морализированіемъ, тѣмъ же не такъ несносно словохотливъ. Гдѣ ему приходится говорить о вещахъ конкретныхъ, какъ напр. въ 14 канцонѣ, которая написана противъ папы и духовенства, онъ опять быстро теряется въ абстракціяхъ, и намѣренія остаются безрезультатными. Вездѣ повторяется общее мѣсто, что богатство не приноситъ счастья, что оно трудно совмѣстимо съ добродѣтью, но что нужно стараться избѣгнуть полной бѣдности, дабы не испытать зависимости и пренебреженія. Близость, соединяющая Биндо съ Гвиттоне, лучше всего видна въ 18 канцонѣ, гдѣ онъ ревностно ратуетъ противъ Амоге; и онъ также былъ нѣкогда влюбленъ, но обратился на путь истинный; и онъ также разсматриваетъ любовь, какъ болѣзнь, и рекомендуетъ противъ нея тѣ же медикаменты, какъ и Гвиттоне (*Canz*, 24, str. 6), именно физическое напряженіе, лишенія и бичеванія. Въ самой формѣ онъ приближается къ своему образцу, любитъ транспозицію словъ, и написалъ двѣ изъ своихъ канцонъ (VI, VII) въ *gime equivoche* и темнымъ языкомъ. Болѣе интересенъ Биндо Боники въ сонетахъ, гдѣ краткая форма побуждала его къ большей сжатости, и именно поэтому мысль получаетъ здѣсь большую остроту. Здѣсь онъ преподаетъ свои житейскія правила болѣе оригинальнымъ образомъ, больше держится реальности, какъ напр., когда онъ показываетъ, что каждый недоволенъ своимъ состояніемъ, сапожникъ дѣлаетъ своего сына цирюльникомъ, цирюльникъ своего сына—сапожникомъ, сынъ купца долженъ сдѣлаться нотариемъ, сынъ нотарія—купцомъ (XIII). Онъ находитъ мѣткіе и наглядные образы, сравниваетъ совѣсть людей, которые себя берутъ много, а ближнимъ даютъ мало, съ мельничнымъ насыпомъ, сверху широкимъ, а внизу узкимъ (VIII); иногда его кислое лицо нѣсколько проясняется, и онъ поражаетъ читателя эпиграмматическимъ оборотомъ; онъ говоритъ (X): Каждый дѣлаетъ столько зла, сколько можетъ; есть исключенія? Да, отвѣчаетъ онъ, цирюль-

никъ является исключеніемъ, онъ касается горла бритвой, но не перерѣзаетъ его. Истинно прекраснымъ является наконецъ 25 сонетъ, гдѣ онъ перечисляетъ вещи, которыя можно взять и возвратить, и находить, что есть одна утрата, которая невозвратима, именно утрата добраго имени, которое уничтожаетъ злой языкъ; «горе тому», прибавляетъ онъ, «кто питаетъ въ себѣ такой порокъ, онъ продаетъ свою душу вѣчной мукѣ».

Quest'è un toller che mai non si rende:

Guai a colui che in sè tal vizio brama,

Ch'alle eternali pene l'alma vende.

Какъ Биндо Бонини примыкаетъ къ Гвиттоне, такъ точно Граціоло деи Вамбаджіоли соединяется съ Франческо да Барберино. Онъ былъ нотаріемъ въ Болоньѣ, является съ этимъ званіемъ въ одномъ документѣ 1311 года, въ 1324 году онъ засѣдалъ среди старѣйшинъ города, въ слѣдующемъ году былъ канцлеромъ городской коммуны, а въ 1334 году, какъ гвельфъ, онъ былъ со всей семьей изгнанъ; въ 1343 году онъ уже умеръ. Невольнымъ досугомъ изгнанія онъ воспользовался для того, чтобы написать Trattato delle virtù morali въ ста короткихъ отдѣльныхъ строфахъ или *cobbole*, на манеръ содержащихся въ Documenti d' Amore, и снабдилъ работу латинскимъ комментариемъ, точно такъ же, какъ это сдѣлалъ по отношенію къ своему произведенію Франческо да Барберино. Прежде эти строфы ошибочно приписывались королю неаполитанскому Роберту.

Въ тѣ времена, когда вѣра въ видѣнія и сверхчувственные откровенія была очень живой, — излюбленной формой морально-политической поэзіи было пророчество. Великія бѣдствія, кровопролитія, чума, голодъ предвѣщались, какъ кара за испорченность государей и народовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ стихотвореніе дѣлалось обличительнымъ. Эти «пророки» охотно подражали языку библейскихъ пророковъ, ссылались на апокалипсисъ, истолковывали его аллегоріи примѣнительно къ своей современности, или пользовались другими аллегорическими образами подобнаго рода, въ особенности образами изъ міра животныхъ; иногда они ссылались также на астрономическія предзнаменованія. При этомъ они естественно писали въ выраженіяхъ обшихъ и туманныхъ, умышленно окутывались въ мистическую неясность. Profesia Frate Stoppa de' Бостики, написанная въ октавахъ, была, какъ показываетъ ее конецъ, предназначена для публичнаго исполненія, подобно стихотвореніямъ площадныхъ пѣвцовъ. Послѣ угрозъ относительно предстоящихъ золъ, которыя должны постигнуть отдѣльныхъ государей Европы и въ особенности отдѣльныя мѣстности Италіи, поэтъ заключаетъ увѣщаніемъ исправиться, говорить, что этимъ, пожалуй, можно склонить Бога и отвратить гибель, подобно тому какъ это было, когда ниневитяне обратились, внявъ словамъ

пророка Ионы. Затѣмъ Фрате Стоппа говоритъ объ Иоаннѣ Богемскомъ, какъ о живомъ, отсюда можно было бы заключить, что онъ писалъ около 1346 года; но онъ выказываетъ знакомство съ дальнѣйшими событіями 1347 и 1348 годовъ, и, слѣдовательно, онъ просто перенесъ назадъ мнимую дату своего произведенія, чтобы съ большимъ удобствомъ пророчествомъ о томъ, что уже произошло. Другая *Profezia*, которую раньше несправедливо приписывали Фаціо дельи Уберти, бичуетъ города и тирановъ Италіи; она начинается словами: *O pellegrina Italia*, и представляетъ изъ себя *frottola*. Это была одна изъ формъ дидактической и сатирической поэзіи, употреблявшаяся въ Италіи съ 14 вѣка до 16; она походила на сирвенту въ томъ отношеніи, что въ ней происходило сѣбленіе черезъ посредство короткихъ стиховъ; но отдѣльныя группы стиховъ могли быть то короче, то длиннѣе, и ходъ мысли былъ совершенно неправиленъ, какъ въ похожихъ на нихъ старо-французскихъ *fatrasie*; рѣшмы владѣли поэтомъ, онъ порывалъ нить изложенія, перескакивалъ на совершенно неожиданныя вещи, вставлялъ возможно большее количество поговорокъ, а тамъ и сямъ умышленно говорилъ даже вещи совершенно безсмысленныя. Такой *frottola* или *serventese* (оба эти рода почти тождественны) является также *Profezia* Фра Томмасуччіо, написанная на его родномъ умбрійскомъ нарѣччіи, грубо и темно, съ множествомъ рѣзкихъ сатирическихъ выходовъ противъ авиньонскихъ папъ и противъ многихъ итальянскихъ коммунъ. Французскій монахъ Томмасо Унціо, получившій въ народѣ прозвище Томмасуччіо, родился въ Гвальдо, а жилъ въ Фолинью (1307—1377), онъ представлялъ изъ себя преемника Якопоне изъ Тоди, былъ проникнутъ тѣмъ же духомъ, соединялъ съ наивностью отсутствіе образования и отличался фанатической религіозностью. Отъ него дошли еще другія, частью ненапечатанныя, пѣсни, а также *Visione* въ прозѣ, и другія пророчества, приписывающіяся ему съ большимъ вѣроятіемъ. Самъ Якопоне продолжалъ жить въ воспоминаніи народа, какъ пророкъ и вѣщунъ, и сирвента неизвѣстнаго поэта, предсказывающая на 1369 годъ великіе ужасы и перевороты, называется *Prophetia fratris Jacoropis*; здѣсь высказывается ожиданіе политическаго мессіи, добродѣтельнаго и могучаго императора, который долженъ господствовать надъ всѣмъ міромъ, возвратитъ Италіи ея прежнюю власть, очистить церковь и обратить невѣрныхъ; это въ сущности — *veltro* Данте.

Если въ обсуждавшихся произведеніяхъ мы находимъ продолженіе народной и ученой, морализирующей поэзіи 13 столѣтія, — въ поэзіи любовной прежде всего мы видимъ продолженіе флорентинской школы *dolce stil nuovo*. Еще былъ живъ одинъ изъ представителей этой послѣдней, Чино изъ Пистойи, котораго Данте цѣнилъ очень высоко; онъ былъ съ нимъ въ личныхъ дружескихъ отношеніяхъ и под-

держивалъ съ нимъ поэтическую корреспонденцію; въ своей книгѣ *De eloquentia vulgari* Данте называетъ его итальянскимъ пѣвцомъ любви, въ томъ мѣстѣ, гдѣ самого себя онъ называетъ пѣвцомъ любви. Чино, т. е. Гвиттончино, изъ благородной фамилиі Синибальди въ Пистойѣ, былъ сыномъ нѣкоего Франческо ди Гвиттоне, онъ родился, какъ полагаютъ, около 1270 года, но вѣроятно раньше, потому, что уже въ 1283 году онъ отвѣчалъ на первый сонетъ Данте. Онъ изучалъ въ Болоннѣ юриспруденцію, былъ въ 1307 году судьей въ Пистойѣ и потомъ, какъ надо думать, добровольно отправился въ изгнаніе, ибо принадлежалъ къ побѣжденной парти Бѣлыхъ. Его политическія убѣжденія были приблизительно тѣ же, что и у Данте, онъ только былъ, пожалуй, еще болѣе рѣшительнымъ гибеллиномъ и врагомъ свѣтской власти церкви. Когда графъ Людовикъ Савойскій въ 1310 году, по порученію императора Генриха VII, отправился въ качествѣ сенатора въ Римъ, онъ избралъ Чино своимъ *assessore*. Послѣ смерти императора онъ опять отправился въ Верхнюю Италію и посвятилъ себя научнымъ занятіямъ. Свое крупнѣйшее юридическое произведеніе, комментарий къ девяти первымъ книгамъ Кодекса Юстиніана (*Lectura in Codicem*), онъ окончилъ въ 1314 году, а 9 декабря того же года получилъ въ Болоннѣ докторскую степень. Позднѣе онъ возвратился въ Пистойю; съ громаднымъ успѣхомъ и получая блестящее жалованье, училъ во многихъ университетахъ, 1318—21 въ Тревизо, 1321—26 въ Сіенѣ, 1327—33 въ Перуджии, гдѣ у него былъ ученикомъ знаменитый Бартоло изъ Сассоферрато, въ 1334 году — вѣроятно, во Флоренціи; въ своемъ родномъ городѣ онъ былъ почтенъ различными должностями. Когда въ 1336 году или въ первые дни 1337 года онъ умеръ, юный Петрарка оплакалъ его въ сонетѣ.

Приблизительно съ 1300-го года Чино былъ женатъ на Маргаритѣ дельи Уги, отъ которой онъ имѣлъ пятерыхъ дѣтей; но воспѣвалъ онъ, конечно, не ее. Современники, въ особенности Данте въ одномъ изъ своихъ сонетовъ, порицали его за сердечное непостоянство; пѣсни его также касаются различныхъ любовныхъ отношеній; наряду съ другими женщинами онъ прославлялъ нѣкую *Selvaggia*, ея именемъ онъ часто пользовался въ своихъ стихахъ для игры словъ, истолковывая его, какъ символъ ея суровости, точно также какъ Данте въ болѣе возвышенномъ смыслѣ пользовался именемъ Беатриче, а Петрарка часто, даже слишкомъ часто, цитировалъ имя Лауры. Однако, муза была не особенно благосклонна къ этому ученому юристу; его стихи растянуты, въ нихъ нѣтъ силы, они исполнены тривіальностей. Похвала со стороны Данте становится понятной лишь въ томъ случаѣ, когда мы примемъ во вниманіе, что въ своей книгѣ *De eloquentia vulgari* онъ главнымъ образомъ беретъ чистоту языка, какъ руководящее начало при сужденіяхъ. Едва только Чино старается выйти за предѣлы обычной любовной жалобы, онъ тотчасъ же впадаетъ въ утонченности и дѣлается

совершенно неслыханно. Его предшественники олицетворяли ощущение, придавали виднейшие очертания внутреннему процессу развития того, что называется влюбленностью; онъ выбираетъ для этого слѣдующіе рафинированныя и безвкусныя образы: «Мое сердце», говоритъ онъ (*Son. Lo core mio che negli occhi si mise*), «совершенно отправилось въ мои глаза (пока я на васъ смотрѣлъ), и въ то время какъ оно бѣжало отъ Amore (именно изъ моей груди въ глаза), оно стало какъ разъ подь стрѣлу, которая, въ качествѣ острія, имѣла прелести (ваши), которыя совершенно его отъ меня (изъ моей груди) отдѣлили (перенеся его цѣликомъ въ глаза), такъ что оно находилось внѣ и было игрой (для Amore)» и т. д. Это уже нѣчто изъ того стиля, который черезъ триста лѣтъ назывался маринизмомъ. Въ другомъ мѣстѣ (*Son. L'Intelletto d'amor*) онъ говоритъ, что даже и тогда, когда возлюбленная удаляется, онъ носитъ ея образъ въ своемъ духѣ, и это такъ прекрасно, что душа перестаетъ оплакивать умерщвленное сердце, дѣлая справедливымъ то, что состраданіе считаетъ несправедливостью (т. е. жестокость донны и ею причиненную смерть сердца). Онъ начинаетъ канцону словами: *Io non posso celare il mio dolore*; мысль сама по себѣ крайне проста и ясна; но онъ тотчасъ же начинаетъ умствовать и ухищряться. Онъ не можетъ скрывать свою скорбь; ибо, когда любовь вѣдрилась въ его сердце, она поставила передъ его умомъ мысли, которыя не успокаиваютъ, а часто усиливаютъ его огонь, говоря о скорби, изъ которой они возникли вмѣстѣ съ безутѣшными вздохами, эти вздохи своимъ изобиліемъ побѣждаютъ и уничтожаютъ его силу и т. д. Въ подобныхъ мѣстахъ онъ также стремился стать выше обычныхъ идей школы. Когда въ Болоньѣ проявилось впервые это поэтическое направленіе, въ лицѣ Гвидо Гвиничелли, одинъ тосканецъ, Буонаджунта изъ Лукки, напалъ на нововведеніе; интересно, что теперь наоборотъ болонскій поэтъ Онесто сталъ насмѣхаться надъ преувеличеніями этой манеры у Чино и у его друзей, началъ высмѣивать туманное философствованіе, постоянное повтореніе словъ *mente* и *umile*, «тысячу корзинокъ, наполненныхъ дѣлами», безъ которыхъ они не могутъ писать стиховъ (*Сонетъ Онесто: Mente et umile e più di mille sporte*). Онъ прямо обвиняетъ Чино въ томъ, что этотъ послѣдній говоритъ глупости, указываетъ, что Гвидо и Данте не учили его этому, разсматриваетъ его, согласно съ этимъ, какъ несчастнаго подражателя двухъ названныхъ поэтовъ (*Sete vo', messer Cino, se ben v'adoschio*). Впрочемъ большія неясности въ стихахъ Чино происходятъ часто не столько благодаря изысканности мысли, сколько благодаря неловкости выраженія; онъ плохо владѣлъ формой; стоить, напр., обратить вниманіе на его сонетъ *Dante quando per caso*, гдѣ онъ съ такимъ трудомъ облачаетъ свою идею въ слова, что теперь мы едва можемъ его понять, между тѣмъ какъ Данте, при гораздо большей трудности—отвѣчать на данныя риммы, пишетъ свой отвѣтъ

съ энергической ясностью. Правда, среди многочисленныхъ стихотвореній Чино тамъ и сямъ попадаются удачные стихи или строфы; но только одна его пѣсня отличается болѣе или менѣе высокой поэтической красотой, и она какъ разъ внушена не любовью, а дружбой. Эта канцона также цитируется въ *De eloquentia vulgari* (II, 6): *Avvegna ch'î non aggia rîu per tempo*; Чино старается утѣшить Данте въ его глубокой скорби о Беатриче. Тонъ этого стихотворенія отличается торжественностью, но въ то же время онъ оживленъ и согрѣтъ искренней скорбью объ опечаленномъ другѣ. Чино указываетъ ему на возлюбленную въ небесахъ, которыя Богъ захотѣлъ опять украсить ею; какъ нѣкогда Данте заставилъ ангеловъ просить этого, такъ и случилось; тамъ въ небесахъ на нее дивятся всѣ блаженные, и предъ трономъ Господнимъ она съ благоволеніемъ вспоминаетъ о его похвалахъ и пѣсняхъ; она проситъ ниспослать ему утѣшеніе, и современемъ, когда вѣра его укрѣпится онъ снова будетъ съ нею. Такимъ образомъ въ этомъ стихотвореніи воспроизводится тотъ порядокъ чувствованій, который свойствененъ Данте, мистическая любовь, соединенная съ религіознымъ чувствомъ и почитающая въ умершей возлюбленной святую предстательницу передъ Богомъ.

Два флорентинца, Сеннучіо дель Бене, который былъ еще въ дружескихъ отношеніяхъ съ Петраркой и умеръ въ преклонномъ возрастѣ въ 1349 мѣ году, и Маттео Фрескобальди, сынъ поэта Дино Фрескобальди, который въ 1348 мѣ году погибъ отъ чумы, доживъ едва до сорока лѣтъ, должны быть разсматриваемы, какъ эпигоны флорентинской школы поэтовъ, идеи которыхъ они воспроизводили съ извѣстной умѣренностью; оба отличаются простотой и ясностью, а также законченностью формы, и въ особенности нѣкоторыя баллады Маттео обладаютъ граціей и свѣжестью. Въ любовную поэзію Фаціо дельи Уберти, наряду съ вліяніемъ Данте, проникли нѣкоторые элементы старой сицилійской школы и рѣзко-выраженная черта чувственности. Это послѣднее обстоятельство въ особенности видно въ прекрасной канцонѣ: *l'guardo fra l'erbette per li prati*, если только данная пѣсня весны написана, какъ я думаю, въ качествѣ контраста къ зимней пѣснѣ Данте: *Io son venuto al punto della rota*,—и по ея образцу.

Манера юмористическая и реалистическая также находитъ откликъ въ нѣкоторыхъ сонетахъ Биндо Боникки, о которомъ уже говорилось, и еще болѣе въ сонетахъ флорентинскаго поэта Пьераччіо Тедальди (умеръ около 1350-го года), который въ своихъ размышленіяхъ о горькихъ и неприятныхъ послѣдствіяхъ отсутствія денегъ, въ своихъ проклятійхъ по адресу собственной супруги напоминаетъ временами Чекко Анджіоліери, хотя по дарованію стоитъ гораздо ниже его. Старость и недуги обратили его потомъ на путь истинный, и тогда онъ сталъ наполнять свои стихи молитвами и самообвиненіями. Съ

болѣ существенными представителями юмористической поэзіи въ это время мы познакоимся позднѣе при разсмотрѣніи Саккетти и Пуччи. Но 14-й вѣкъ является въ особенности періодомъ пышнаго расцвѣта литературной прозы. Исторіографія на итальянскомъ языкѣ, которая еще почти совсѣмъ отсутствовала въ предъидущемъ столѣтіи, получила теперь значительное развитие. *Storica delle cose occorrenti nei tempi suoi* Дино Компаньи трактуетъ о предметахъ въ высшей степени интересныхъ, о тѣхъ самыхъ политическихъ событіяхъ, которыя явились великимъ поворотнымъ пунктомъ въ жизни Данте и постоянно отражались въ его произведеніяхъ; значеніе этого повѣствованія въ особенности увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что оно происходитъ отъ человѣка, который самъ стоялъ среди описываемыхъ событій и принималъ въ нихъ немалое участіе, самъ принадлежалъ къ той же побѣжденной партіи, что и Данте, имѣлъ тотъ же образъ мыслей, судилъ о лицахъ съ той же точки зрѣнія и съ тѣмъ же моральнымъ негодованіемъ.

Мы уже знаемъ Дино Компаньи, какъ вѣроятнаго автора аллегорической поэмы *Intelligenza*; до насъ дошло отъ него еще нѣсколько другихъ стихотвореній, пять сонетовъ и одна канцона, которыя равнымъ образомъ дѣлаютъ ему мало чести, какъ поэту. Онъ былъ почетнымъ пополаномъ и принадлежалъ къ цеху шелковаго производства, въ матрикулярныхъ спискахъ этого цеха онъ упоминается впервые въ 1280-мъ году и въ послѣдній разъ въ 1320-мъ; между 1282-мъ годомъ и 1299-мъ онъ шесть разъ былъ цеховымъ консуломъ. Въ 1284-мъ году онъ принадлежалъ къ Совѣту Подеста и позднѣе является неоднократно среди подававшихъ голосъ въ собраніяхъ совѣтовъ; въ 1289-мъ году онъ засѣдалъ среди Пріоровъ (съ 15-го апрѣля по 15-е іюня), а въ 1293-мъ году былъ избранъ *Gonfaloniere della Giustizia* (съ 15-го іюня по 15-е августа, третьимъ послѣ созданія должности). Снова былъ сочленомъ коллегіи Пріоровъ, которая приступила къ исполненію обязанностей 15-го октября 1301-го года; это была послѣдняя коллегія Пріоровъ изъ партіи Бѣлыхъ, — спустя какихъ-нибудь три недѣли она должна была уступить насилію Бѣлыхъ. Таковы свѣдѣнія о Дино Компаньи, доставляемые документами; но изъ его собственной хроники мы узнаемъ вещи болѣе подробныя и болѣе интересныя. Главнымъ предметомъ его повѣствованія является борьба партій во Флоренціи въ годы 1300-й и 1301-й; событія съ 1280-го года онъ только рассказываетъ въ качествѣ подготовленія центральной драмы, привлекающей наше вниманіе, а событія до 1312-го года, какъ послѣдствія ея. Это борьба, въ которой нерѣшительная доброта и честность были побѣждены энергической злокозненностью: *Nienti vale l'umiltà contro alla gran malizia* (II, 13), — мораль, выводимая авторомъ изъ происшедшаго. Къ такимъ слабымъ людямъ чести принадлежалъ и самъ Дино; онъ дѣлается олицетвореніемъ партіи и

играетъ наиболѣе важную роль. Еще будучи молодымъ человѣкомъ онъ принималъ участіе въ составленіи новой демократической конституціи Пріоровъ (1282); въ качествѣ гонфалоніера онъ приказалъ разрушить дома Галиган, согласно съ *Ordinamenti della Giustizia*; онъ открылъ въ 1295-мъ году заговоръ сановниковъ и фальшивыхъ поповъ противъ народнаго вождя Джіано делла Белла и извѣстилъ его объ ихъ козняхъ. Въ 1299-мъ году онъ принесъ отъ лица Синьоріи денежный подарокъ разгнѣванному кардиналу д'Акваспарта, съ цѣлью умиловить его. Онъ находился среди гражданъ, которые лѣтомъ 1300-го года были приглашены на совѣтъ передъ изгнаніемъ сочленовъ обѣихъ партій. Когда Карлъ Валуа въ 1301-мъ году съ измѣнительскими замыслами вступилъ во Флоренцію, Дино былъ какъ бы душой коллегіи Пріоровъ, старался предотвратить опасность, получилъ письмо отъ принца, гдѣ тотъ обѣщалъ безопасность, и принималъ его увѣренія и клятвы въ томъ, что права и вольности города не будутъ нарушены. Такимъ образомъ вездѣ на сценѣ онъ, Дино; мы всегда читаемъ «я сдѣлалъ, я отправился, я говорилъ», — форма весьма рѣдкая у болѣе древнихъ историковъ. Среди партійныхъ страстей онъ всегда остается хорошимъ патриотомъ, проповѣдуетъ любовь и гражданское согласіе, и при этомъ проповѣдуетъ горячо, невольно увлекаетъ читателя. Онъ предполагаетъ у другихъ свою честность, рассчитываетъ на нее и потомъ чувствуетъ себя горько разочарованнымъ; онъ удивляется, какъ люди недобросовѣстны, и негодуетъ по этому поводу. Но онъ твердо вѣритъ въ небесную справедливость; изложеніе его проникнуто сильнымъ религіознымъ чувствомъ, такъ что иногда получается библейскій тонъ. Въ событіяхъ онъ постоянно усматриваетъ то благость, то гнѣвъ Господа. Избраніе императора Генриха и его римскій походъ кажутся ему явственнымъ доказательствомъ заботы Провидѣнія и возмездія для злыхъ, и онъ кончаетъ мрачнымъ перечисленіемъ наказаній, которыя уже покарали насильственной смертью главныхъ зачинщиковъ крамолы, и пророчествомъ мести, грозящей отъ императора всѣмъ дурнымъ гражданамъ его роднаго города. Итакъ онъ сложилъ свое перо лѣтомъ 1312-го года, прежде чѣмъ Генрихъ VII началъ осаду Флоренціи, и прежде великаго разочарованія, испытаннаго Бѣлыми. Согласно примѣчанію, помѣщенному въ концѣ рукописей, авторъ умеръ двѣнадцать лѣтъ спустя, 26-го февраля 1324-го года.

Удивительно однако было то, что о такомъ замѣчательномъ человѣкѣ никто, кромѣ него самого, не говорилъ достойнымъ образомъ. Другіе историографы того времени не упоминаютъ о немъ. Самая его хроника долгое время оставалась неизвѣстной; въ первый разъ она была публично упомянута въ 1640-мъ году Федерико Убальдини, и только въ прошломъ столѣтіи, когда она наконецъ была напечатана, началась ея знаменитость и слава ея автора. Новѣйшій издатель и тща-

тѣльнѣйшей комментаторъ хроники, Дель Лунго, предполагаетъ (I, 693 и слѣд.), что авторъ и потомъ его семья скрывали ее, въ виду опасностей, которыя были связаны съ такимъ свободнымъ сужденіемъ о господствующей партіи, и что потомъ одно время хроника эта была забыта. Однако, отъ политической дѣятельности Дино должны были сохраниться болѣе явственныя слѣды, еслибы она была такой выдающейся. Отсюда какъ бы слѣдуетъ, что авторъ, когда онъ такъ ставитъ себя на первый планъ, испытываетъ извѣстную субъективную иллюзію, и какъ бы понятна и извинительна она ни была, изложеніе историческихъ событій не могло не пострадать отъ нея въ той или иной мѣрѣ. Но болѣе, чѣмъ это, подробное изысканіе указало на многократную неточность въ утвержденіяхъ Дино, выяснило частыя фактическія ошибки, очень частыя ложныя даты. Это представлялось непонятнымъ у современника и непосредственнаго участника въ событіяхъ, и естественно возникло подозрѣніе въ подложности. Первыя сомнѣнія высказалъ уже въ 1858-мъ году Пьетро Фанфани, въ редактировавшемся имъ журналѣ, *Il Piovano Arlotto*. Они были отвергнуты Карломъ Гиллебрандомъ въ его книгѣ: *Dino Compagni, étude historique et littéraire sur l'époque de Dante* (Paris, 1862). Затѣмъ въ концѣ своей статьи о Малеспини (въ *Sybel's Zeitschrift*, 1870), Шефферъ-Бойхорстъ торжественно возвѣстилъ о своемъ намѣреніи раздѣлаться разъ навсегда и съ Дино. Это заявленіе послужило предлогомъ для сочиненія Г. Гріона: *La Cronica Dino Compagni opera di Antonfrancesco Doni* (Verona, 1871), которое, по манерѣ автора, является скорѣе арлекинадой, нежели серьезнымъ научнымъ изслѣдованіемъ. Наконецъ въ 1874-мъ году, явилось изслѣдованіе Шефферъ-Бойхорста (въ его *Florentiner Studien*, Leipzig, 1874), которое, заключающія въ себѣ обширныя матеріалы, произвело большое впечатлѣніе. Вскорѣ послѣ этого коснулся даннаго вопроса и Фанфани: *Dino Compagni vendicato dalla callunnia di scrittore della Cronaca* (Milano, 1875), гдѣ онъ наряду съ историческими ошибками хотѣлъ указать также и филологическія анахронизмы. Напротивъ защитникомъ подлинности Дино явились — почтенный Джинно Капони (*Storia della Repubblica di Firenze*, Firenze, 1875, II, 569 и слѣд.), и аббатъ Джузеппе Роберти, который рассмотрѣлъ этотъ памятникъ со стороны языка, въ своей *Apologia di Dino Compagni* (Milano, 1875). К. Гегель (*Die Chronik des Dino Compagni, Versuch einer Rettung*, Leipzig, 1875), высказалъ воззрѣніе, что основное зерно хроники неподдѣльно и что только позднѣе оно пережило сильныя измѣненія; къ нему присоединился Вистенфельдъ (*Göttingische Gelehrte Anzeigen*, 1875, p. 1537 и слѣд.), между тѣмъ какъ О. Гартвигъ (*Jenaer Litt. Leit.* 1875, № 31), высказался въ противномъ смыслѣ, а Шефферъ-Бойхорстъ старался опровергнуть его (*Die Chronik des Dino Compagni, Kritik der Hegel'schen Schrift*, Leipzig, 1875). И споръ продолжался, въ особенности много-

численны были совершенно безвѣтныя статьи и книги Фанфани, который даже сдумѣлъ поставить вопросъ на почву личного оскорбленія. Новый аргументъ для подкрѣпленія своихъ воззрѣній Шефферъ-Бойхорстъ нашелъ въ открытыхъ имъ, частью дословныхъ, совпаденіяхъ между тремя мѣстами у Дино и отрывками въ комментаріи къ Данте (такъ наз. Anonimo Fiorentino) конца 14-го или начала 15-го столѣтія (см. Sybels Zeitsch. Bud. 38, p. 286 ff.); онъ не могъ почерпать изъ Дино, какъ и Дино, наоборотъ, также не могъ заимствовать у комментатора. Итакъ они пользовались оба однимъ общимъ источникомъ, и Шефферъ-Бойхорсту кажется невысказаннымъ, чтобы современникъ, занимающій официальное положеніе, переписывалъ изъ источниковъ неофициальнаго характера свѣдѣнія о вещахъ непосредственно ему извѣстныхъ. Но между тѣмъ появилось также и давно ожидавшееся большое сочиненіе Дель Лунго, изданіе хроники по улучшенному тексту, съ очень обширнымъ комментариемъ и двухтомнымъ введеніемъ, гдѣ самымъ подробнымъ образомъ изслѣдованы вопросы, касающіеся автора, книги и эпохи: *Dino Compagni e la sua Cronica*, vol. I, 1° и II, Firenze, 1879, vol. I, 2°, 1880. Эта обширная работа итальянскаго ученаго, сдѣланная съ крайне большимъ вниманіемъ и основанная на изученіи громаднаго матеріала, въ видѣ литературныхъ памятниковъ и документовъ, устранила многіе изъ доводовъ, которые были сдѣланы противъ подлинности памятника.

Лингвистическій вопросъ, возбужденный Фанфани, можетъ считаться совершенно упраздненнымъ; всѣ слова и конструкции, которыя должны были бы являться невозможными въ то время, Дель Лунго подкрѣпилъ примѣрами изъ памятниковъ 14-го столѣтія. Касательно историческихъ ошибокъ уже Гегель показалъ, что извѣстное число ихъ совершенно иллюзорно; Дель Лунго вновь значительно сократилъ ихъ число, хотя тамъ и сямъ онъ, быть можетъ, и употребилъ софистическій пріемъ. Оказалось наоборотъ, что Дино часто въ важныхъ пунктахъ и именно тамъ, гдѣ онъ возбудилъ наибольшія сомнѣнія, находится въ соответствіи съ другими современными историками, какъ напр., особенно, при опредѣленіи очереднаго порядка смуть и изгнаній 1300-го года; онъ даетъ не мало свѣдѣній о вещахъ, которыя дѣйствительно имѣли мѣсто, но о которыхъ ни одинъ изъ другихъ современныхъ историковъ не знаетъ ничего, онъ вообще зналъ много интимныхъ обстоятельствъ, о которыхъ исторія не дѣлаетъ замѣтъ, и которыя теперь опять выплываютъ наружу, благодаря указаніямъ документовъ. Поэтому поддѣлка трудно допустима, если только у лица, ее изготовившаго, не находился въ распоряженіи отличный современный источникъ. Не смотря на извѣстныя неотрицаемыя прегрѣшенія противъ исторической правды, всема сомнительныя у современника, наука была бы склонна снова считать эту хронику однимъ изъ древнихъ подлинныхъ докумен-

товъ итальянской исторіографіи. Но аргументъ Шефферъ-Бойхорста остается послѣ всѣхъ этихъ попытокъ въ полной силѣ. Именно, этотъ послѣдній показалъ, какъ Дино Компаньи въ различныхъ мѣстахъ дословно совпадаетъ съ Джіовани Виллани и какъ много разъ при перечисленіи именъ онъ слѣдуетъ тому же самому порядку. Но Виллани не зналъ произведенія Дино; заимствованіе изъ общаго источника также не вездѣ допустимо; мы видимъ такимъ образомъ въ одномъ разсказѣ, который долженъ былъ быть законченнымъ въ 1412 г., что онъ пользуется другимъ разсказомъ, опубликованнымъ — самое раннее — 15 лѣтъ спустя. Дель Лунго принимаетъ высокомерную позу и обходитъ этотъ аргументъ; но ему не удастся уничтожить ненавистный вопросъ о Дино прежде, чѣмъ онъ не разрѣшитъ эту загадку. Окончательное рѣшеніе, правда, еще невозможно, однако мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ, что въ дошедшей до насъ хроникѣ есть значительная подлинная основа, которая весьма рано, еще въ XIV столѣтіи пережила дополненія и переработки, быть можетъ, безъ какого-либо намѣренія совершить поддѣлку, быть можетъ это исправленіе было совершено какимъ-нибудь членомъ фамиліи, въ рукахъ котораго сочиненіе его предка оставалось незаконченнымъ. Такимъ образомъ мой взглядъ почти совпадаетъ съ взглядомъ Гегеля.

Можно смотрѣть, какъ угодно, на весь этотъ споръ о Дино, но онъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, ту полезную сторону, что сдѣлалъ болѣе здравыми наши сужденія о цѣнности хроники. Дино Компаньи сравнивали съ Фукидидомъ и Саллюстіемъ, ставили его наряду съ Данте; насколько въ этомъ послѣднемъ видѣли поэта, настолько тотъ долженъ былъ являться прозаикомъ, историкомъ эпохи. Это были преувеличенія, какъ теперь признаютъ даже поклонники хроники. Писательскія способности, которыя мы, конечно, можемъ измѣрить только по находящемуся, быть можетъ, искаженному произведенію, — ограниченны; онъ проявляются лишь въ болѣе тѣсной сферѣ его главнаго сюжета, въ изображеніи борьбы изъ-за власти во Флоренціи между народомъ и знатью, между Черными и Бѣлыми. Здѣсь онъ говоритъ горячо и нерѣдко смотритъ глубже, чѣмъ другіе исторіографы того времени. Въ этомъ водоворотѣ интересовъ и страстей онъ сумѣлъ схватить психологическіе моменты съ мѣткостью, которая насъ удивляетъ. Мы видимъ превосходные портреты — грубаго демагога Дино ди Джіованни, по прозванію Ресога, который вѣщается тѣмъ, что онъ освободилъ городъ отъ тирана Джіано делла Белла, — или кардинала д'Аккваспарта, который похотливо поглядываетъ на посланный ему отъ Синьоріи денежный подарокъ и въ концѣ концовъ отвергаетъ его, — или этого мрачнаго и все же увлекательнаго, по истинѣ катилиновскаго героя, Корсо Донати, бѣдущаго по улицамъ, въ то время какъ кругомъ всѣ кричатъ: «да здравствуетъ баронъ!» и городъ представляется принадлежащимъ ему. Изложеніе

событій, совершившихся непосредственно до и послѣ прибытія Карла Валуа, богато драматическими деталями; мы видимъ дѣйствующихъ лицъ, мы слышимъ, какъ они говорятъ; каждый герой обозначенъ какимъ-нибудь краткимъ словомъ, настолько сильнымъ, что его фізіономія остается у насъ въ памяти; такъ напримѣръ мы помнимъ этого засѣдающаго въ собраніи совѣта (II, 10) Бандино Фальконіери, трусливаго Spiessbürger'a, который выше всего цѣнитъ покой, и въ то время, какъ патріоты видятъ, что вольностямъ города угрожаетъ опасность со стороны Карла, онъ говоритъ: «Signori, я чувствую себя прекрасно, потому, что я не спалъ безмятежно», и чуть не цѣлый день ораторствуетъ. Иногда Дино обрисовываетъ мѣткимъ штрихомъ цѣлую ситуацию. Карлъ Валуа позволяетъ Чернымъ неистовствовать въ городѣ и, представляясь, что ему ничего неизвѣстно, спрашиваетъ, видя пылающій огонь: «что это горитъ»? — и ему отвѣчаютъ: «хижина», между тѣмъ какъ горѣло богатое палаццо (II, 19). Папа Бонифаций говоритъ Карлу, который, возвращаясь послѣ своей миссии во Флоренцію, требуетъ денегъ: «я тебя окунулъ въ золото!» (II, 25).

Эти и другія подобныя мѣста сдѣлались очень извѣстными и въ нихъ заключается весь Дино; сверхъ этого отъ него нельзя ничего требовать. Его изложеніе дѣлается особенно недостаточнымъ тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ отношеніяхъ своего родного города къ коммуна́мъ Тосканы, къ императору и къ папѣ. Дино Компаньи способенъ на минутныя вспышки, но не на правильное повѣствованіе. Какъ разъ, чѣмъ болѣе Дель Лунго удается доказать его подлинность, тѣмъ болѣе исчезаетъ наше уваженіе передъ его искусствомъ историографіи. Истинный историкъ представляетъ событія цѣликомъ со всѣми его факторами для того, чтобы дать читателю правильную идею; онъ не опускаетъ наиболѣе важныхъ обстоятельствъ, безъ которыхъ преемственная связь фактовъ дѣлается совершенно непонятной, между тѣмъ Дино дѣлаетъ это нерѣдко. Такъ напримѣръ, онъ рассказываетъ, что послѣ изгнанія партійныхъ вождей въ іюнь 1300 г. высланные сторонники Черки были возвращены обратно; но онъ не говоритъ ни слова о послѣдовавшемъ нѣсколько позднеѣ возвращеніи сторонниковъ Донати, и опять умалчиваетъ о вторичномъ изгнаніи этихъ послѣднихъ послѣ собранія Santa Trinita, такъ что его рассказъ дѣлается совершенно спутаннымъ, и, понятно, вызываетъ сомнѣніе въ его подлинности. Поклонники хроники поставили ей въ заслугу ея большіе пробѣлы или, по крайней мѣрѣ, хотѣли видѣть въ нихъ нѣчто необходимо обусловленное самымъ планомъ сочиненія; Дино, говорятъ они, не лѣтописецъ, который записываетъ изъ года въ годъ все происходящее; онъ историкъ, онъ впервые даетъ историческое произведеніе, проникнутое строгимъ единствомъ и потому выбираетъ изъ фактовъ только тѣ, которые связаны съ его главной задачей, оставляя въ сторонѣ всѣ другія. Но

развѣ всѣ эти опущенные факты не имѣютъ на самомъ дѣлѣ никакой связи съ его сюжетомъ, не касаются борьбы Черныхъ и Бѣлыхъ? Уже процитированный примѣръ доказываетъ обратное. Тамъ гдѣ хотѣли видѣть систему, мудрый планъ, мы не видимъ въ дѣйствительности ничего, кромѣ неловкости, и въ то время какъ авторъ опускаетъ факты самыя существенныя, онъ неоднократно упоминаетъ о вещахъ совершенно незначительныхъ, какъ напримѣръ, о новой формѣ миланскихъ солдатъ Гвидотто делла Торре. Дино пренебрегаетъ хронологіей: онъ соединяетъ воедино событія даже самыя отдаленныя, не предупреждая насъ о раздѣляющемъ ихъ промежуткѣ времени; онъ упоминаетъ о давно совершившихся событіяхъ, не характеризуя ихъ въ этомъ смыслѣ, мало того, онъ, какъ показалъ Дель Лунго, отличается такой стилистической беспомощностью, что постоянно употребляетъ простое *procedente* вмѣсто *plusquamperfectum*. Отсюда потомъ проистекли многочисленныя недоразумѣнія, сдѣлавшія текстъ подозрительнымъ. Однако и это обстоятельство хотѣли обратить къ выгодѣ произведенія; Дино, видите-ли, группируетъ факты не хронологически, но согласно «ихъ природѣ»; поэтому онъ опять возвышается надъ лѣтописцемъ и дѣлается историкомъ. Если онъ и дѣйствительно имѣлъ такое высокое намѣреніе, онъ во всякомъ случаѣ не доросъ до возможности его исполнить. Такъ напримѣръ, онъ рассказываетъ (III, 35) о прибытіи императора Генриха въ Пизу (1312) потомъ о посланничествѣ Людовика Савойскаго во Флоренцію и о возвращеніи его въ Пизу. Каждый читатель подумаетъ, что это посланничество относится къ тому времени, когда императоръ былъ въ Пизѣ. Но нѣтъ; Дино Компаньи, не предупреждая читателя, возвращается къ 1310 году, когда императоръ находился еще въ Германіи, для того чтобы соединить факты «по ихъ природѣ!» И въ этомъ-то долженъ заключаться великій прогрессъ хроникера, ея переходъ къ исторіи. Естественно, что здѣсь постоянно требуются усилія достойнаго комментатора, чтобы пополнить крупныя пробѣлы повѣствованія съ помощью документовъ, другихъ историковъ и вѣроятныхъ догадокъ; только такимъ путемъ возможно размѣстить передернутые и перепутанные факты надлежащимъ образомъ или истолковать, подобныя изреченіямъ сибиллы, выраженія автора, который скорѣе скрываетъ свои мысли, нежели выражаетъ ихъ.

Въ деталяхъ Дино Компаньи такъ же, какъ и въ цѣломъ, скуденъ и запутанъ, какъ только онъ покидаетъ предѣлы своего родного города. Читателю представляется, что онъ могъ описывать только то, что онъ видѣлъ собственными глазами и отъ чего у него сохранилось живое впечатлѣніе. Мы видимъ поэтому съ одной стороны такую прекрасную и рельефную картину вторженія Баскіера деи Тозинги въ Флоренцію (III, 10) и съ другой стороны это жалкое описаніе битвы при Капмальдино (I, 10) гдѣ все перепутано самымъ

пестрымъ образомъ, гдѣ нападеніе Корсо Донати, рѣшившее побѣду, отнесено къ началу, а не къ концу, такъ что напрасно было бы пытаться ясно представить себѣ ходъ битвы. И такъ хроника Дино-Компани не представляетъ изъ себя настолько выдающагося произведенія исторіографіи, какъ это раньше думали многіе; если насъ что-нибудь въ ней интересуеетъ, это—выраженіе честнаго характера и отдѣльныя сцены и фигуры, исполненныя жизненной правды. И эти выгодныя черты принадлежать безъ сомнѣнія старой подлинной основѣ произведенія, или фальсификаторъ былъ удивительнымъ художникомъ.

Въ теченіи первыхъ десятилѣтій 14-го вѣка возникли другія историческія работы на итальянскомъ языкѣ. Паолоно Піери, флорентинскій купецъ въ кварталѣ San Piero Maggiore, который въ 1323 году былъ еще живъ, написалъ сухіе анналы, простирающіеся отъ 1080 до 1305, вначалѣ совершенно краткіе, съ 1248 года болѣе подробные. Отрывочная хроника, находящаяся въ Національной Библіотекѣ во Флоренціи, представляетъ изъ себя передѣлку тогда очень распространеннаго произведенія Мартино изъ Троппау (Martinus Polonus) со включеніемъ свѣдѣній по исторіи Флоренціи, до 1303 года. Теперь утрачена компиляція замѣтокъ, касающихся Флоренціи, сдѣланная въ первые годы 14 вѣка по лѣтописнымъ даннымъ и называемая обыкновенно *Gesta Florentinorum*, сообразно съ выраженіемъ Толомео изъ Луки, правда ничего не говорящимъ касательно ея истиннаго заглавія; однако ей неоднократно пользовались многочисленныя лѣтописцы эпохи, и она была написана по итальянски, какъ показываетъ дословное согласованіе у итальянскихъ писателей, которые ею пользовались. Одинъ манускриптъ въ Національной Библіотекѣ въ Неаполѣ, написанный послѣ 1316 года, представляетъ изъ себя опять переработку хроники Мартино, при сопоставленіи ея съ этими *Gesta Florentinorum* и съ продолженіемъ повѣствованія до 1309 года.

Совершенно другой литературный интересъ представляетъ изъ себя сочиненіе братьевъ Виллани, самая величественная и обширная работа въ стилѣ хроники, какую только имѣетъ Италія. Джіованни, сынъ Виллано ди Стольдо изъ Флоренціи, былъ купцемъ, человѣкомъ практическимъ, обладалъ разностороннимъ опытомъ, въ болѣе молодые годы совершалъ путешествія въ Францію и въ Нидерланды (1302—1304), позднѣе же часто исполнялъ общественныя должности въ своемъ родномъ городѣ. Онъ засѣдалъ въ числѣ Пріоровъ съ 15-го декабря 1316 года до 15-го февраля 1317 и принадлежалъ къ комиссіи трехъ, которая (послѣ пораженія флорентинцевъ при Монтекатини) посредствомъ хитрости вынудила пизанцевъ къ болѣе кроткому миру (*Stonica*, IX, 82). Въ томъ же самомъ году онъ былъ однимъ изъ тѣхъ чиновниковъ, которые наблюдали за чеканкой монеты. 15-го декабря 1321 года онъ снова былъ Пріоромъ, а съ января

1322 г. принадлежалъ къ магистрату, руководившему постройкой городскихъ стѣнъ (IX, 137); по его почину было произведено измѣненіе города и его укрѣпленій (IX, 256). Въ третій разъ онъ занималъ должность Пріора съ 15-го августа по 15-е октября 1328 года, какъ разъ въ то время, когда смерть Кастручіо Кастракани освободила Флоренцію отъ ея наиболѣе опаснаго врага (X, 86, 106), и во время дороговизны этого года и двухъ слѣдующихъ онъ находился въ числѣ чиновниковъ, на которыхъ было возложено попеченіе о народномъ пропитаніи, причѣмъ онъ сзумѣлъ вмѣстѣ съ своими коллегами посредствомъ разумныхъ мѣропріятій смягчить нужду бѣднѣйшихъ классовъ и успокоить ихъ возбужденіе (X, 121). Въ 1331 году онъ въ качествѣ казначея коммуны, былъ обвиненъ въ утайкѣ, вмѣстѣ съ своими тремя сотоварищами по надзору за постройкой стѣнъ, но былъ оправданъ. Годъ спустя онъ былъ однимъ изъ шести уважаемыхъ пополановъ, которые выстроили для коммуны новый городъ по ту сторону Аппенинъ для того, чтобы обезпечить господство перемѣнчивыхъ Убальдини, и самъ далъ мѣстечку названіе Figenziola (X, 202). 9 августа 1341 года, въ качествѣ одного изъ пятидесяти флорентинскихъ заложниковъ въ обезпеченіе торговаго трактата, заключеннаго, касательно Лукки, съ Мастино делла Скала, онъ отправился въ Феррару, гдѣ пробылъ два съ половиной мѣсяца, причѣмъ и къ нему и къ его спутникамъ относились съ большимъ почтеніемъ (XI, 130). Крупный хозяйственный кризисъ во Флоренціи постигъ жестокимъ ударомъ и его.

Банкротство Барди въ январѣ 1346 года повлекло за собой банкротство многихъ другихъ банковыхъ обществъ, между прочимъ Бонакорси, въ которомъ Джіованни Виллани былъ участникомъ, и онъ самъ отправился въ тюрьму Стинке, повидимому только на короткое время. Онъ умеръ отъ чумы лѣтомъ въ 1348 году. Когда въ 1300 году вмѣстѣ съ сотнями тысячъ набожныхъ онъ отправился въ Римъ для индульгенціи юбилея, такъ рассказываетъ Джіованни Виллани (VIII, 36), и когда онъ увидалъ грандіозные памятники древности и сталъ читать римскихъ историковъ, онъ почувствовалъ и въ себѣ влеченіе къ исторіографіи; достойнымъ къ тому сюжетомъ ему показалась судьба его роднаго города, Флоренціи, (дочери Рима, которая находилась въ расцвѣтѣ и въ ожиданіи величія, какъ Римъ находился въ упадкѣ). И, возвратившись домой, онъ началъ свою книгу въ томъ же самомъ 1300 году. Онъ работалъ надъ ней почти до самой своей смерти; послѣдней датой, которую онъ упоминаетъ, является 11 апрѣля 1348 года (XII, 118). Описывая чуму, сопровождавшуюся такими ужасами, онъ прибавилъ въ концѣ (XII, 84) слѣдующія слова: «И эта чума продолжалась до...», намѣреваясь внести дату потомъ; но это мѣсто осталось пустымъ; болѣзнь, которую онъ описывалъ, унесла

и его въ могилу. Тѣмъ не менѣе одна часть его произведенія достигла гласности еще при его жизни.

Если флорентинская исторія является основой въ повѣствованіи Виллани, оно простирается все же и на событія внѣшняго міра, авторъ устремляетъ особенное вниманіе на Сѣверную и Среднюю Италію, на Францію, Англію и на Востокъ. Но для такого обширнаго предпріятія у него мало силъ; у него недостаетъ искусства написать всеобщую исторію, и таковая была прямо невозможна сама по себѣ въ предѣлахъ хроники. Джіованни Виллани сплетаетъ нѣсколько нитей одну съ другой, какъ можетъ, постоянно перескакивая отъ одного разказа къ другому, и нерѣдко онъ долженъ прерывать развитіе какого-нибудь факта въ серединѣ—для того, чтобы прослѣдить вставочный эпизодъ. Между міровыми событіями онъ еще не усматриваетъ никакой связи, кромѣ одновременности. Онъ говоритъ (VIII, 36), что «онъ заимствовалъ у римскихъ историковъ весь стиль и форму, какъ ихъ ученикъ, хотя онъ и недостойнъ совершить такую великую работу». Однако у него нѣтъ никакихъ слѣдовъ подражанія древнимъ. Онъ рассказываетъ просто, какъ Богъ на душу положить; стиль его часто даже небреженъ; онъ употребляетъ удивительныя конструкціи, старается построить періоды, но быстро утомляется и переходитъ къ своему обычному способу выраженія. Частые галлицизмы, въ которыхъ его упрекали, представляютъ ничто иное, какъ термины, сдѣлавшіеся обычными въ языкѣ флорентинскихъ купцовъ при ихъ непрерывныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Франціей.

Въ группировкѣ фактовъ онъ въ сущности еще продолжаетъ оставаться средневѣковымъ лѣтописцемъ, который лишь изрѣдка дерзаетъ преступить предѣлы хронологіи. Да и какъ на самомъ дѣлѣ онъ могъ научиться у древнихъ искусству исторіографіи, когда самую древность онъ понималъ лишь въ популярныхъ предѣлкахъ средневѣковья? По обычаю своего времени Виллани, для того, чтобы рассказать основаніе Флоренціи, восходитъ къ Вавилонскому столпотворенію, и, сочетая библейскую исторію съ греческой міеологіей, онъ дѣлаетъ изъ отца Сатурна, Урана, — внука Немрода, — рассказываетъ о Юпитерѣ, царѣ Критскомъ, объ его братѣ Танталѣ, который велъ великую войну съ царемъ Троянскимъ Троемъ и убилъ его сына Ганимеда, — объ Аталантѣ, одномъ изъ вождей тѣхъ племенъ, которыя послѣ Вавилонскаго столпотворенія разсѣялись по лицу земли, говоритъ, какъ онъ вмѣстѣ съ своей супругой Электрой, по совѣту своего астронома Аполлино, прибылъ въ Италію и основалъ тамъ Фіэзоле, т. е. Fia sola, городъ названный такъ потому, что онъ былъ первымъ городомъ, основаннымъ въ Европѣ. Овъ рассказываетъ о Троянской войнѣ, и о томъ какъ, послѣ разрушенія Трои, юный Пріамъ сынъ старшаго, вмѣстѣ съ благороднымъ троянцемъ Антиноромъ прибылъ въ Италію, гдѣ они основали Венецію и Падую, и какъ Пріамъ третій,

сынъ второго, отправился въ Германію, и отъ него позднѣе родились франки или французы, которые заняли Галлію. Нѣсколько болѣе трезвымъ авторъ дѣлается при изложеніи римской исторіи, которая была общеизвѣстной изъ латинскихъ авторовъ, хотя и здѣсь нерѣдко вещи мѣняютъ подъ его рукой свою фізіономію и Саллюстій называется *un grande dottore* (I, 30), а при осадѣ Фіэзоле, наряду съ Цезаремъ, Цицерономъ и Помпеемъ, появляются добрѣйшій герцогъ Фіорино и графъ Райнальдо. (I, 36). Сообразно съ традиціей, мы видимъ у Виллани, что Флоренцію основали римляне, послѣ разрушенія Фіэзоле, жители котораго вмѣстѣ съ Катилиной возмутились противъ Рима, и она была названа *Fiorenza*, по имени того благороднаго римлянина Фіорина, который палъ въ битвѣ противъ фіэзоланцевъ. Въ новый городъ были принимаемы также и побѣжденные, кто хотѣлъ, и поэтому, говоритъ Виллани, поднялись раздоры и смуты, ибо населеніе состояло изъ двухъ разнородныхъ элементовъ, „изъ благородныхъ, добродѣтельныхъ римлянъ и грубыхъ, драчливыхъ фіэзоланцевъ“ (I, 38); радуясь, что онъ такъ прекрасно объяснилъ будущія событія, онъ повторяетъ это объясненіе еще нѣсколько разъ на протяженіи своей хроники. Послѣ этого Флоренцію у него разрушаетъ Тотила, царь *Goziae* и *Sveziae*, котораго онъ называетъ *flagellum Dei*, смѣшивая его съ Аттилой; Флоренція отстраивается лишь триста пятьдесятъ лѣтъ спустя (801), съ помощью Карла Великаго и папы Льва. Такимъ образомъ мы видимъ, что авторъ съ большою наивностью принялъ вездѣ старыя басни, которыя онъ нашелъ въ своемъ источникѣ, въ такъ называемыхъ *Gesta Florentinorum*, и которыя дошли до насъ въ древнѣйшей латинской редакціи *Chronica de origine civitatis*.

Разсказывая о позднѣйшихъ столѣтіяхъ, онъ также чуждъ критики, легковѣренъ при пользованіи источниками, охотно принимаетъ все, что они ему предлагаютъ, не выбирая и не провѣряя. Однако тамъ, гдѣ онъ, какъ въ большей, послѣдней, части произведенія, разсказываетъ въ качествѣ непосредственнаго наблюдателя—современника и не рѣдко въ качествѣ очевидца, хроника его пріобрѣтаетъ характеръ надежнаго документа и благодаря богатству и разнородности фактовъ дѣлается однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ источниковъ историческаго поученія. О крупныхъ событіяхъ онъ разсказываетъ также какъ и о мелкихъ; наряду съ войнами и государственными переворотами онъ разсказываетъ о природныхъ явленіяхъ и пожарахъ, о цѣнахъ на хлѣбъ, о какомъ нибудь уродѣ, о появленіи волка на улицахъ города, о чудесахъ и предзнаменованіяхъ. Именно такимъ путемъ онъ и даетъ намъ картину нравовъ и идей той эпохи. Безпритязательнымъ и яснымъ языкомъ онъ описываетъ учрежденія своего роднаго города и ихъ развитіе, описываетъ городскія постройки, и исторію его постепеннаго разрастанія. Работая надъ своей хроникой,

Виллани преслѣдовалъ моральную цѣль; событія прошлаго, которыя онъ развертываетъ передъ нашими взорами, должны были служить руководящей нитью для его согражданъ въ ихъ собственномъ поведеніи на будущее время, «дабы они укрѣплялись въ добродѣтели и убѣгали порока и съ непоколебимостью сносили злополучіе ради блага и укрѣпленія республики (I, 1), и такимъ образомъ, нерѣдко въ концѣ главы онъ указываетъ, какое поученіе слѣдуетъ извлечь изъ ея содержанія. По этому также онъ не можетъ удовольствоваться простымъ изложеніемъ случившагося онъ хочетъ его истолговать и мотивировать; но при этомъ онъ не даетъ себѣ особенныхъ трудовъ, какъ можно видѣть изъ приведеннаго примѣра, гдѣ онъ объясняетъ флорентинскія смуты смѣшанностью населенія. Особенной политической прозорливостью онъ не обладаетъ. Правда, мы находимъ нѣкоторые мѣткія наблюденія, какъ напримѣръ размышленія по поводу паденія Джіано делла Белла (VIII, 8); здѣсь онъ превосходно охарактеризовалъ духъ флорентинской демократіи, которая не терпѣла успѣха личной заслуги въ дѣлахъ общественныхъ и въ этомъ совершенно сходилась съ древней аѳинской демократіей. Но такія замѣчанія рѣдки. Очень часто для мотивировки ему достаточно ходячихъ слуховъ и всего охотнѣе онъ усматриваетъ въ событіяхъ соизволеніе Божіе, которое дѣлаетъ лишнимъ всякое другое толкованіе. Виллани строго религіозенъ и даже суевѣренъ. Нужно видѣть съ какой ребяческой наивностью онъ рассказываетъ чудо о набожномъ чеботарѣ въ землѣ Сарациновъ, который силой своей молитвы переставилъ гору съ одного мѣста на другое и такимъ образомъ обратилъ страшнаго Калифа. (VII, 46. ¹). Онъ вѣритъ въ предзнаменованія, въ пророчества и въ видѣнія, вѣритъ также въ астрологію и подробно описываетъ созвѣздія и ихъ вліянія; однако онъ не выводитъ изъ нихъ абсолютной необходимости, онъ видитъ въ нихъ скорѣе лишь указаніе Божественной воли. Объясненія неудачи, причиненной глупостью и превратными мѣрами, онъ охотно дополняетъ объясненіемъ Божественнаго назначенія, какъ истинной причины; «вліяніе флорентинцевъ сильно уменьшилось, ибо благодаря плохимъ совѣтамъ и плохому веденію дѣла они проиграли въ такомъ предпріятіи; или это случилось по повелѣнію Господа, дабы унижить высокоуміе и жадную неблагодарность флорентинцевъ и ихъ начальствующихъ лицъ» (XI, 142). Среди своихъ излюбленныхъ поговорокъ и моральныхъ сентенцій онъ особенно часто повторяетъ слѣдующую: «кого Богъ захочетъ погубить, у того онъ отнимаетъ разумъ». («A cui Iddio vuole male gli toglie il senno»). Сообразно съ истинно народнымъ міросозерцаніемъ, онъ понимаетъ каждое несчастье, какъ Божеское наказаніе, онъ всегда тотчасъ же справляется насчетъ

¹) Взято изъ путешествій Марко Поло, глава 27, и слѣд., французскаго текста.

грѣха, которымъ былъ вызванъ гнѣвъ Господа. Нерѣдко онъ обозначаетъ несчастье, какъ очищеніе отъ совершенныхъ грѣховъ и злодѣяній (pulire, purgare). Къ концу своего произведенія онъ становится все болѣе благочестивымъ и все болѣе наклоннымъ къ проповѣдническому тону; это обстоятельство, конечно, объясняется вліяніемъ возраста и самыхъ разнообразныхъ общественныхъ и частныхъ событій. Описание великаго наводненія, случившагося въ 1333 году, онъ заканчиваетъ предлинной проповѣдью о всемогуществѣ Бога, которое онъ выводитъ изъ Вѣтхаго и Новаго завѣта, и увѣщаніемъ обращеннымъ къ согражданамъ, — разсматривать это великое бѣдствіе, какъ справедливое возмездіе, убѣждаетъ исправиться и наконецъ приводитъ еще въ итальянскомъ переводѣ длинное латинское письмо короля Роберта Неаполитанскаго къ флорентинцамъ, настоящую проповѣдь, исполненную отрывковъ изъ Священнаго Писанія, изъ Блаженнаго Августина и Святого Григорія. (XI, 2, 3).

По своимъ политическимъ воззрѣніямъ Джіованни Виллани, какъ и его городъ, является рѣшительнымъ гвельфомъ. Непріязнь церкви, ея отлученіе, являются по его мнѣнію причиной гибели, и отсюда онъ объясняетъ печальный конецъ Манфреда и Конрадина; поражение пизанцевъ при Мелоріи представляетъ изъ себя, какъ онъ думаетъ, неукоснительное наказаніе, данное на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ они нѣкогда взяли въ плѣнъ прелатовъ, которые отправлялись въ Римъ на совѣтъ. (VII, 92). Самъ онъ иногда не можетъ не сказать свободнаго слова противъ Куріи, но обыкновенно чѣмъ-нибудь смягчаетъ его. Разсказавъ о несправедливомъ обращеніи, которое долженъ былъ вытерпѣть въ Авиньонѣ Фрате Вентурино, онъ говоритъ (XI, 23); «и это награда, которую святые люди принимаютъ отъ прелатовъ Святой церкви; или это было дѣйствительно такъ для того, чтобы подавить чрезмѣрное возвеличеніе монаха, все это могло быть продиктовано добрымъ намѣреваніемъ». Онъ горестно оплакиваетъ раздоры Черныхъ и Бѣлыхъ, видя въ нихъ великое несчастье, осуждаетъ обѣ партіи, и жестоко нападаетъ на Карла Валуа. Послѣ того какъ Бѣлые подвергаются изгнанію, они, конечно, дѣлаются его врагами, также какъ врагами его города. Но въ общемъ онъ не отличается особенной страстностью и по крайней мѣрѣ отдаетъ справедливость людямъ выдающимся, даже тогда, когда они его противники, — не одобряетъ поведеніе коммуны по отношенію къ такимъ лицамъ, какъ Фарината, Данте, Віери деи Черки и другіе. (XII, 44). Когда онъ писалъ, время страстной партійной ненависти уже миновало. Самъ онъ, собственно говоря, тяготеетъ къ богатымъ пополанамъ, въ рукахъ которыхъ находилась власть со времени изданія Ordinantі и къ которымъ принадлежала его собственная семья; онъ скорѣе, видя въ концѣ своей жизни, что ремесленники и низшій народъ начинаютъ выдвигаться (въ особенности XII, 43).

Въ историческомъ произведеніи свѣдущаго и ловкаго дѣловаго чело-
вѣка, какимъ былъ Виллани, отношенія финансовыя должны были
играть выдающуюся роль. И дѣйствительно та часть его хроники, въ ко-
торой они обсуждаются, является одной изъ наиболѣе поучительныхъ.
Онъ точно обозначаетъ суммы, которыя Флоренція издерживала для
вооруженія, неслыханную для того времени высоту налоговъ этимъ
обусловленную. И жалуясь на гнетъ повышенныхъ податей и на ихъ
скверное употребленіе, онъ всетаки съ гордостью перечисляетъ всѣ
эти хозяйственныя усилія, которыми одинъ городъ становится въ
уровень съ великимъ государствомъ, видитъ въ возможности такихъ
затратъ доказательство вліятельнаго могущества (въ особенности XI,
92 и слѣд.). Дѣйствительно Флоренція все болѣе и болѣе стано-
вилась денежной силой, между тѣмъ какъ ея старинная любовь къ
раздорамъ постепенно угасала, и уже ее эксплуатировали князья,
герцогъ Карль Калабрійскій, Мастино делла Скала: «здѣсь, гово-
ритъ Гервинусъ, мы видимъ, что Виллани, въ особенности въ по-
слѣдней части своего произведенія... обсуждаетъ только договоры,
мирную политику города, которая все болѣе и болѣе замѣняетъ власть
оружія властью денегъ. Поэтому у Виллани мы можемъ многому на-
учиться касательно возникновенія и разцвѣта этой новой государствен-
ной мудрости и касательно исторіи развитія денежной силы въ Европѣ
этого великаго рычага новѣйшей политики». Характеристиченъ для той
эпохи планъ откупить Лукку отъ нѣмецкихъ наемныхъ войскъ — для
чего большую сумму хотѣли дать флорентинскіе купцы и между ними
Виллани (X 143). Авторъ считаетъ это патріотическимъ замысломъ,
«честной местию» по отношенію къ сосѣдямъ постоянно враждеб-
нымъ. И послѣ того какъ дѣло это тогда разстроилось, позднѣе снова
началось торгашество изъ за города съ Мастино делла Скала, и кон-
чилось, по заслугамъ, позоромъ для Флоренціи, которая заплатила
тройную сумму, но въ замѣнъ не получила ничего. Самый респу-
бликанскій духъ начинаетъ изсякать и все болѣе и болѣе обнаружи-
вается здѣсь, какъ и вездѣ въ Италиі, необходимость въ монархиче-
скомъ управленіи, благодаря чему нерѣдко синьорія города переда-
валась на болѣе или меньше продолжительное время какому-нибудь
князю, герцогу Калабрійскому, герцогу Аѳинскому, и всегда съ пла-
чевными результатами.

Послѣ смерти Джіованни, братъ его Маттео продолжалъ его хро-
нику въ томъ же духѣ и приблизительно съ тѣми же достоинствами
и недостатками, а послѣ того какъ и этотъ умеръ отъ чумы въ 1363
году, сынъ его Филиппо Виллани прибавилъ еще нѣсколько главъ,
такъ что это великое произведеніе нѣсколькихъ Виллани обнимаетъ
событія до 1364 года.

Во всѣхъ отрасляхъ историческаго повѣствованія непрерывно гос-
подствуетъ моральная точка зрѣнія; она выступаетъ въ особенности

сильно въ тѣхъ уже извѣстныхъ изъ прошлаго столѣтія сборникахъ, которые назывались *Fiori* или *Fiorite* и предназначались для менѣ образованной публики. Судья Арманнино, родившійся въ Болоньѣ и жившій въ Фабріано окончилъ свою *Fiorita* въ 1325 году и посвятилъ ее Бозоне да Губбіо. Во введеніи, а частью въ выборѣ формы для своей книги, онъ пользовался въ качествѣ образца сочиненіемъ Боэція *Consolatio-Philosophiae*. Къ нему является олицетвореніе поэзіи, ободряетъ его на работу и прерываетъ его прозаическіе рассказы моральными размышленіями, частью въ стихахъ, частью въ прозѣ. Такимъ образомъ, черпая изъ классическихъ поэтовъ, изъ средневѣковыхъ романовъ и легендъ, онъ обрабатываетъ цѣлый циклъ рассказовъ отъ сотворенія міра и до Цезаря, прибавляя къ этому еще краткое изложеніе легенды о Кругломъ Столѣ. Прежде очень часто смѣшивали съ этой компиляціей совершенно отличную отъ нея *Fiorge d'Italia* (также *Fiorita d'Italia*) кармелитскаго монаха Гвидо изъ Пизы, написанную конечно послѣ 1321 года, ибо онъ уже цитируетъ послѣднюю пѣсню дантевскаго *Paradiso* (II, 24). Авторъ сопоставляетъ вмѣстѣ рассказы и легенды, касающіеся Италіи и Рима, вставляя между ними библейскія повѣствованія, какъ это дѣлаетъ Виллани и др.

Онъ хотѣлъ дойти, въ семи книгахъ, до римскихъ императоровъ, т. е. очевидно изложить ихъ исторію до своего времени и дать такимъ образомъ полную исторію Римскаго государства; но или онъ не могъ довести свою работу до конца или большая часть была утрачена, какъ бы то ни было, но теперь намъ извѣстны только двѣ первыя книги, изъ которыхъ вторая, заимствованная изъ «Энеиды» *Virgilia*, часто печаталась отдѣльно подъ заглавіемъ *Fatti d'Enea*. Достопримѣчательно въ Гвидо его преклоненіе передъ Данте, «Божественную Комедію» котораго онъ часто цитируетъ на ряду съ своимъ *Virgiliemъ*, какъ высочайшій авторитетъ, подтверждающій рассказываемые имъ факты. При изложеніи мифологическихъ легендъ монахъ не вездѣ чувствуетъ себя хорошо, ибо онъ не можетъ вѣрить въ дѣйствительность языческихъ боговъ; поэтому онъ толкуетъ ихъ аллегорически или старается найти для чудеснаго—основанія, которыя бы согласовались съ міросозерцаніемъ его эпохи. Если Эней и Ахатъ дѣйствительно проникли въ Карфагенъ невидимкой—это должно было совершиться, какъ онъ думаетъ, черезъ вліяніе духовъ, или они имѣли въ рукѣ чудесные камни, если только таковыя существуютъ (*Cap. 9*). Онъ размышляетъ, дѣйствительно-ли Эней нисходилъ въ подземный міръ, и если дѣйствительно, случилось-ли это благодаря магическому искусству, и было-ли это наяву или во снѣ, и былъ-ли онъ тамъ тѣломъ или только душой (*Cap. 25*).

Извѣстнаго рода историческій романъ съ моральной тенденціей, озаглавленный *L'Avventuroso Siciliano*, былъ приписанъ тому же самому Бозоне де Раффаелли изъ Губбіо, которому Арманнино посвятилъ

свою Fiorita; этотъ Бозоне, въ 1315 г. изгнанный вмѣстѣ съ гибеллинами изъ своего роднаго города, въ 1316 г. былъ подеста въ Ареццо; въ 1317 г. подеста въ Витербо; въ 1319 г.—въ Луккѣ; въ 1324 г. въ Тоди; въ 1327 г. онъ былъ capitano del popolo въ Пизѣ, а послѣ тамъ же викаріемъ императора Людовика Баварскаго; 29 апрѣля 1328 г., послѣ того, какъ городъ былъ взятъ Кастручіо, онъ сдѣлался плѣнникомъ этого послѣдняго; 15 октября 1337 г. папа Бенедиктъ XII назначилъ его на одинъ годъ римскимъ сенаторомъ; умеръ онъ послѣ 1349 г. Въ романѣ рассказываются приключенія пяти сицилійскихъ бароновъ, которые по причинѣ великаго политическаго переворота, произведеннаго Сицилійской Вечерней, оставили островъ и отправились бродить по свѣту. Трое изъ нихъ пошли въ Африку и помогали тунисскому королю въ его борьбѣ противъ враждебныхъ арабовъ; одинъ отправился въ Римъ и оттуда по порученію папы въ Англію, гдѣ онъ помогалъ усмиренію мятежниковъ; одинъ поступилъ на службу къ русскому царю въ славянскихъ земляхъ и принималъ участіе въ походахъ на востокъ противъ Саладина и въ Венгріи. Двое изъ тѣхъ, которые отправились въ Африку погибли; остальные трое, переживъ великія опасности, вернулись домой съ многими сокровищами. Отсюда читатель долженъ вывести поученіе, что счастье и несчастье въ этомъ мірѣ непостоянны, а потому въ первомъ не слѣдуетъ дѣлаться надменнымъ, а во второмъ не должно отчаяваться. Это весьма плоскій рассказъ, въ стилистическомъ отношеніи совершенно неуклюжій; къ извѣстномъ историческимъ фактамъ авторъ присоединилъ разныя собственныя выдумки, въ достаточной степени пошлыя. Для этой цѣли онъ сильно эксплуатировалъ другихъ современныхъ или нѣсколько старшихъ писателей; онъ цѣликомъ взялъ изъ нихъ описаніе битвы, рѣчи и письма, почти не потрудившись переработать ихъ для того, чтобы приспособить къ своему сюжету. Такъ напримѣръ, онъ воспользовался переводомъ первой Цицероновской рѣчи противъ Катилины, приписываемомъ Брунетто Латини, переводомъ троянской войны, сдѣланнымъ Филиппо Чеффи, *Fatti di Cesare*; длинное письмо, которое король англійскій Эдуардъ посылаетъ своимъ подданнымъ, пострадавшимъ отъ наводненія (II, 6), представляетъ изъ себя въ сущности ничто иное, какъ письмо короля Роберта Неаполитанскаго къ Флорентинцамъ, въ переводѣ, который Джіованни Виллани велѣлъ сдѣлать для своей хроники (XI, 3), и который врядъ-ли былъ опубликованъ прежде 40-ыхъ годовъ 14-го столѣтія. Все это свидѣтельствуетъ, что указаніе единственной рукописи *Avventuroso Siciliano*, сообразно въ которымъ этотъ послѣдній былъ сочиненъ въ 1311 г., совершенно фальшиво, и не безъ основанія была высказана догадка, что книга вообще могла быть только подложно приписана Бозоне изъ Губбіо, разумѣется, еще 14-мъ въ вѣкѣ. Лучшее, что есть въ этой книгѣ—анекдоты и новеллы, въ особенности

о Саладинѣ, которые авторъ сообщаетъ въ примѣчаніяхъ къ своему повѣствованію, и которые, конечно, онъ равнымъ образомъ по большей части просто напросто списалъ.

Въ то время, какъ въ историческихъ Fiori повѣствованія образуютъ главный сюжетъ и изъ нихъ выводятся поученія, въ моральныхъ Fiori они служатъ только для подкрѣпленія поученій, расположенныхъ подъ отдѣльными рубриками. Анонимное произведеніе Fiore di Virtù всегда даетъ истолкованіе добродѣтели или объясненіе соответствующаго порока по большей части словами извѣстныхъ авторовъ; затѣмъ слѣдуетъ сравненіе съ разными, нерѣдко сказочными, качествами, которыя средневѣковая наука приписывала животнымъ, и къ этому присоединяются сентенціи изъ духовныхъ и свѣтскихъ писателей, въ самой пестрой смѣси, какъ у Альбертано или у Джамбони; конецъ всегда образуетъ краткій дидактической рассказъ изъ Священнаго Писанія, изъ легендъ или изъ античной древности, Storie romane, какъ это здѣсь постоянно называется. Почти въ самомъ началѣ, гдѣ рѣчь идетъ о любви, мы находимъ повтореніе мыслей, развитыхъ въ канцонѣ Гвидо Гвиничелли: *E il bene, che è così continuo, girara in ciascheduno cuore gentile, come fanno gli ucceli alla verdura della selva, e dimostra la sua virtude, come fa il lume che è posto in una scurità, che allumina più.* Такимъ образомъ принципъ поэта— философа началъ дѣлаться общимъ мѣстомъ популярныхъ моралистовъ.

Болѣе методически расположены *Ammaestramenti degli antichi*, содержащая только моральныя сентенціи и принадлежащая доминиканскому монаху Бартоломмео да Санъ-Конкордіо (умеръ въ 1347 г.). Онъ раздѣлилъ весь свой матеріалъ на отдѣлы, по внутренней связи предметовъ, къ которымъ относятся изреченія. Далѣе онъ отдѣлилъ сужденія, взятые изъ Библии и изъ теологовъ, отъ сужденій, взятыхъ изъ классическихъ и средневѣковыхъ мірскихъ писателей, постоянно отдавая преимущество первымъ, какъ наиболѣе важнымъ. Книга является продуктомъ долгаго и разносторонняго чтенія, какъ это доказываетъ уже болѣшая точность цитатъ. Фра Бартоломмео былъ человѣкомъ ученымъ и занимался наукой въ Парижѣ; онъ издалъ свою компиляцію сперва на латинскомъ языкѣ (*De Documentis Antiquorum*) и потомъ самъ перевелъ ее на итальянскій по порученію знатнаго флорентинца Мессера Джери дельи Спины.

Вообще эти авторы историческихъ и моральныхъ сборниковъ переводили только отрывки изъ латинскихъ сочиненій, соединяя ихъ по собственному усмотрѣнію. Въ особенности была также оживленной дѣятельность тѣхъ писателей, которые, посредствомъ переводовъ и переработокъ, популяризировали латинскія и французскія сочиненія. Долженъ былъ, понятно, явиться итальянскій переводъ той античной книги, которая уже представляла изъ себя собраніе примѣровъ и изреченій подобное Fiori, именно книги Валерія Мак-

сима. Эта древняя итальянская версия, которая впрочем нередко искажает латинский текст, пользовалась большой популярностью, как доказывает множество рукописей. История Энея, которую Фрате Гвидо поместил в своем *Fiore*, была уже раньше переведена на итальянский, но не прямо из «Энеиды» Вергилия, а из латинского прозаического компендия, сочиненного миноритом Фрате Анастасио. Фра Бартоломмео да Сант-Конкордио перевел по желанию Неро Камби, который извѣстенъ какъ участникъ во флорентинскихъ раздорахъ, книги Саллюстия, *Jugurthina* и *Catilinaria*. Флорентинскій нотарій Серъ Андреа Ланчиа перевелъ письма Сенеки и *Remedia Amoris* Овидія, Серъ Филиппо Чевфи перевелъ *Eroidi* Овидія, Альберто делла Пиаджентина перевелъ *Consolatio* Боэція (1332). Серъ Альберто делла Пиаджентина, флорентинецъ, былъ сыномъ того нотарія Гульельмо делла Пиаджентина, который въ 1301 году былъ товарищемъ Данте по дѣлу о расширеніи дороги Сант-Проколо. Серъ Альберто упоминается въ качествѣ нотарія въ одномъ документѣ 17 февраля 1323 года; онъ сдѣлалъ свой переводъ въ 1332 году въ Венеціи, находясь въ заключеніи, и прибавилъ къ первымъ двумъ книгамъ комментарий, продолженіе котораго было прервано его смертью. Такимъ образомъ мы опять видимъ здѣсь одного изъ тѣхъ, которые искали утѣшенія въ книгѣ Боэція, находясь въ положеніи аналогичномъ положенію автора. Серъ Альберто передалъ поэтическіе отрывки изъ Боэція въ терцинахъ, которыя понятно свидѣтельствуютъ о вліяніи Данте.—Съ французскаго была переведена тогда книга Сидраха, энциклопедія имѣющая форму особенно популярную, именно форму вопросовъ и отвѣтовъ. Сидрахъ, изъ колѣна Іафета, мудрецъ, которому Богъ по особенной благодати открылъ напередъ христіанскую доктрину, обращаетъ короля Ботозо, и послѣ этого передаетъ ему свои поученія, касательно всевозможныхъ вопросовъ знанія.

Гвидо делле Колонне почерпнулъ свое латинское описаніе Троянской войны изъ французской поэмы Бенуа де Сентъ Морс; изъ того же самаго источника прямо или косвенно истекаютъ различныя итальянскія версіи. Версія Биндуччио делло Шельто, сохранившаяся въ рукописи 1322 года, представляетъ изъ себя вѣрную и хорошую передѣлку французскаго романа, въ то время какъ версія приписываемая Серу Филиппо Чевфи и версія Джіованни Беллебуони изъ Пистойи (1333 г.) являются переводами произведенія Гвидо. Легенда объ Александрѣ также была около этого времени обработана на итальянскомъ языкѣ въ *Nobili Fatti di Alesandro Magno*, гдѣ легкой изящной прозой рассказаны дѣянія этого македонскаго царя, съ тѣми сказочными прикрасами, которыя давала имъ общеупотребительная въ средніе вѣка *Historia de proeliis*. Эти повѣствованія о походахъ въ дальнія таинственныя области востока и юга, о чуждыхъ загадочныхъ народахъ и объ ихъ нравахъ, о чудовищныхъ животныхъ, о громадныхъ сокровищахъ,

о смѣлыхъ предпріятіяхъ героя, о его полетѣ по воздуху въ колесницѣ влекомой грифами и объ его нисхожденіи на морское дно въ стеклянномъ колоколѣ, давали богатую пищу для народной фантазіи, жаждущей необычайнаго и чудеснаго. Различнымъ образомъ той же самой потребности удовлетворяла другая книга, сдѣлавшаяся весьма популярной, именно книга Аполлонія Тирскаго, вѣроятно греческаго происхожденія; въ ней, какъ вообще въ греческихъ романахъ время упадка, мы видимъ неожиданныя смѣны счастья и несчастья и въ особенности разнообразныя морскія приключенія. Съ помощью латинской версіи этотъ романъ распространился по всеѣмъ европейскимъ литературамъ. На итальянскомъ языкѣ имѣются двѣ различныя прозаическія редакціи, одна болѣе краткая и болѣе близкая къ латинскому тексту, другая болѣе распространенная; обѣ онѣ вѣроятно относятся къ первой половинѣ 14 столѣтія.

Почти все эти произведенія представляютъ извѣстную важность и благодаря превосходнымъ качествамъ ихъ стиля.

Четырнадцатый вѣкъ начинается считаться золотымъ вѣкомъ итальянскаго языка; его называютъ безъ обиняковъ *добрымъ вѣкомъ* (*il buon secolo*), а возникшія тогда произведенія считаются образцами языка (*testi di lingua*). Позднѣе литературный языкъ приобрѣлъ устойчивыя очертанія и сильно отдѣлился отъ діалектовъ, которые продолжали развиваться; нужно было изучать его, для того чтобы правильно имъ пользоваться. Наоборотъ тогда литературный языкъ только что возникъ изъ тосканскаго діалекта, въ существенныхъ чертахъ онъ былъ съ нимъ тождествененъ, слѣдовательно онъ былъ живымъ; имъ могли пользоваться и люди сравнительно мало образованные, каковыми неоднократно бывали народные писатели; на немъ писали просто, какъ говорили, примѣшивали также идиотизмы муниципальных нарѣчій, какъ напр., мы можемъ это видѣть у святой Катерины Сіенской. Именно эта тѣсная связь между разговорнымъ языкомъ и письменнымъ сообщаетъ этому послѣднему естественность и свѣжесть, изящество простоты, качества, удивляющія насъ въ этихъ безпритязательныхъ прозаическихъ работахъ. Эти качества въ особенности сильно характеризуютъ богатую религіозную литературу того времени, въ которой горячее и глубокое чувство нашло свое искреннее выраженіе. По большей части это опять переводы съ латинскаго, какъ напр. *Biblia Volgare*, *Gradi di S. Girolamo*, *Scala del Paradiso* святого Джіованни Климача, *Legenda Aurea*, громадное собраніе біографій святыхъ въ календарномъ порядкѣ, которое въ 1298 году было начато Якопо да Вораджине, который умеръ архіепископомъ Генуи. Легенда о Варлаамѣ и Іосафатѣ, возникшая изъ индійскаго преданія о жизни Будды и сдѣлавшаяся въ христіанской окраскѣ народной книгой почти у всеѣхъ западныхъ націй, такой же книгой какъ легенда объ Александрѣ

или сочиненіе Апполонія, появляется въ цѣломъ рядѣ итальянскихъ передѣлокъ.

Фрате Доминико Кавалька изъ Вико Пизано, принадлежавшій къ ордену доминиканцевъ (умеръ 1342 году), является авторомъ многихъ аскетическихъ трактатовъ, *Specchio della Croce*, *Specchio dei Peccati*, *Medicina del cuore*, *Trattato delle trentanta stoltizie* и т. д.; онъ перевелъ въ своихъ *Vite dei Santi Padri* собраніе легендъ о святыхъ отшельникахъ первыхъ столѣтій, извѣстное подъ заглавіемъ *Vitae Patrum*. Какъ большинство изъ его современниковъ, Кавалька довольно свободно обращался съ текстомъ, находившимся у него въ рукахъ; не давая себѣ труда постоянно слѣдовать за буквой, онъ облакалъ свое изложеніе въ непринужденную, простую и ясную форму, такъ что читатель отнюдь не могъ вынести впечатлѣніе перевода. Въ краткомъ предисловіи онъ излагаетъ цѣль своей работы: есть много такихъ, говоритъ онъ словами святаго Григорія, которыхъ можно увлечь къ добрымъ поступкамъ скорѣе примѣромъ, чѣмъ словомъ, такіе примѣры могутъ быть найдены въ этихъ легендахъ о жизни святыхъ. Эти рассказы объ обращеніяхъ, объ искушеніяхъ, о борьбѣ противъ грѣха, о преслѣдованіяхъ со стороны людей и сатаны, о побѣдѣ духа надъ плотью, предлагаютъ образцы и уподобляются «зеркалу, въ которое человѣкъ можетъ смотрѣть на себя и такимъ образомъ исправлять и улучшать свою жизнь». Тотъ же самый сюжетъ авторъ обработалъ поэтически; въ вѣнкѣ изъ сорока двухъ сонетовъ онъ описываетъ витязя Господня, его враговъ, ихъ козни, его оружіе и союзниковъ, духовную борьбу, которая здѣсь на землѣ никогда не прекращается и побѣдную награду, обѣщанную ему въ иномъ мірѣ. *Fioretti di S. Francesco* принадлежатъ, какъ показываетъ самое заглавіе, къ категории сборниковъ избранныхъ изреченій и рассказовъ; мы видимъ здѣсь повѣствованіе о дѣяніяхъ святаго Франциска и его учениковъ, причемъ изложеніе проникнуто дѣтской простотой и искренней вѣрой. Между прочимъ рассказывается, какъ святой держалъ проповѣдь къ «сестрамъ птицамъ» и какъ они выказывали свое почтеніе и подходили къ его благословенію, какъ онъ устроилъ гнѣздо для «сестеръ горлицъ», какъ онъ обратилъ свирѣпаго волка въ области Губбіо и установилъ миръ между жителями города и «братомъ волкомъ», который съ тѣхъ поръ жилъ въ такой святости, что всѣ оплакивали его смерть.

Въ другомъ мѣстѣ мы знакомимся съ прекраснымъ видѣніемъ разбойника, обращеннаго Францискомъ и сдѣлавшагося монахомъ, это—видѣніе души, которая, будучи покинута ангеломъ на узкомъ мосту, начинаетъ горячо молиться Богу, взывая къ его милосердію и чувствуетъ, какъ у нея вырастаютъ крылья, дважды она тщетно пытается приподнять ихъ и при третьемъ усиліи возносится къ вершинѣ горы, къ утѣхамъ рая (сар. 26); весьма энергично выражается духъ аске-

тизма въ восьмой главѣ, гдѣ святой Францискъ описываетъ брату Леоне, въ чемъ заключается совершенная радость; она заключается въ томъ, чтобы быть унижаемымъ, презираемымъ, подвергаться оскорбленіямъ и поношеніямъ, выносить пытки и мученія, но выносить все это легко и терпѣливо, побѣждая самого себя. И эти Fioretti являются также ничѣмъ инымъ, какъ довольно вѣрнымъ переводомъ одной монашеской хроники, озаглавленной Floretum и написанной по-латински Уголино изъ Monte Santa Maria, а также нѣкоторыхъ другихъ сочиненій того же автора, жившаго въ первой половинѣ XIV вѣка. Быть можетъ также авторъ Fioretti имѣлъ латинскій оригиналь, теперь неизвѣстный, въ которомъ была уже вся компиляція въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ въ итальянскомъ собраніи.

Среди проповѣдниковъ, которые пользовались народнымъ языкомъ, самымъ важнымъ былъ блаженный Джіордано изъ Ривальто, который, родившись въ мѣстечкѣ Ривальто близъ Пизы, вступилъ въ этомъ послѣднемъ городѣ въ орденъ доминиканцевъ, отправился въ Болонью и Парижъ и предпринялъ обширныя изученія. Въ теченіи трехъ лѣтъ, съ 1302 года по 1305, онъ читалъ теологію въ монастырѣ Santa Maria Novella во Флоренціи. Въ это время онъ произнесъ большую часть тѣхъ короткихъ, но энергическихъ проповѣдей, посредствомъ которыхъ онъ совершилъ много обращеній. Его набожныя слова, говоряція о христіанской любви, относятся къ той эпохи яростной политической ненависти и партійныхъ раздоровъ, когда Бѣлые были присуждены къ изгнанію, и среди нихъ Данте; первая изъ проповѣдей помѣчена 6 января 1302 года. Готовясь послѣдовать призыву занять мѣсто лектора теологіи въ парижскомъ университетѣ, Фра Джіордано захворалъ и умеръ въ Піаченцѣ 19 августа 1311 года.

На нѣсколько десятилѣтій моложе былъ другой доминиканецъ Якопо Пассаванти изъ Флоренціи. Онъ также учился въ Парижѣ, былъ потомъ лекторомъ философіи въ Пизѣ, лекторомъ теологіи въ Сіенѣ и въ Римѣ, и наконецъ занялъ въ своемъ родномъ городѣ мѣсто пріора въ монастырѣ Santa Maria Novella, гдѣ работалъ Джіордано. Въ 1354 году онъ написалъ одновременно по-латински для духовенства и по-итальянски для публики книгу, озаглавленную Lo Specchio della Vera Penitenza, гдѣ онъ облекъ въ систематическую форму трактата тѣ проповѣди, съ которыми въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ обращался къ народу. Онъ умеръ 15 іюня 1357 года и былъ погребенъ въ Santa Maria Novella. Въ своей книгѣ Пассаванти часто переходитъ отъ проповѣди къ разсказамъ; также какъ Кавальканти, онъ считаетъ примѣры болѣе дѣйствительными, чѣмъ простыя поученія. Онъ хочетъ потрясти своихъ слушателей и читателей, подвигнуть ихъ къ покаянію, и поэтому прежде всего старается возбудить чувство страха, указывая на примѣръ такихъ грѣшниковъ, которые подверглись осужденію, не обратившись во время. Передъ нами различныя разсказы о видѣніи-

яхъ наказаній въ иномъ мірѣ, о дьяволахъ, которые приходятъ за душой, о мертвецахъ, которые возвращаются и повѣствуютъ о своихъ мукахъ. Таковъ напр. рассказъ о маэстро Серло въ Парижѣ, который преподавалъ логику и философію (Dist. III, cap. 2). Ночью во время занятій въ его рабочій кабинетъ появляется недавно умершій ученикъ, который при жизни кичился своей школьной мудростью и былъ преданъ пороку, и, будучи имъ спрошенъ объ адскихъ мукахъ, показываетъ ему свою одежду, всю исписанную софизмами, въ вѣсѣ болѣе тяжелую, чѣмъ самая большая башня въ Парижѣ и подбитую пылающимъ огнемъ; чтобы вознаградить своего учителя за преподанные ему уроки, онъ хочетъ дать ему наглядное удостовѣреніе; онъ протягиваетъ одинъ изъ своихъ пылающихъ пальцевъ надъ ладонью маэстро и заставляетъ упасть на нее каплю пота, которая тотчасъ же пронзаетъ ладонь, причиняя великую боль, «какъ будто бы это была острая огненная стрѣла». «Ну, теперь ты имѣешь образецъ адскихъ мукъ, проговорилъ ученикъ, и, испуская скорбные крики, онъ исчезъ». Рана на рукѣ никогда не могла пройти, но маэстро обратился отъ лживой логики къ истинной, «которая не боится заключенія смерти» (conclusionone della morte), т. е. сдѣлался монахомъ. Чтобы дать представленіе о томъ дѣйстви, которое производили эти мрачные рассказы, при всей своей краткости, мы въ особенности должны привести рассказъ объ одномъ знатномъ французскомъ дворянинѣ, «который, будучи любителемъ суеты міра, однажды началъ размышлять, будутъ ли освобождены находящіеся въ аду, по истеченіи тысячи лѣтъ, и, обращаясь къ своей мысли, отвѣтилъ: нѣтъ. Тогда спросила его мысль: ну, а черезъ сто тысячъ лѣтъ? и онъ отвѣтилъ: нѣтъ. Тогда онъ подумалъ, возможно ли освобожденіе черезъ тысячекратно повторенное тысячелѣтіе; и онъ сказалъ: нѣтъ. Ну, а если пройдетъ столько тысячелѣтій, сколько капель воды въ морѣ, возможно ли тогда, что они выйдутъ? И онъ возразилъ самому себѣ: нѣтъ! И смущенный и утраченный этой мыслью, онъ началъ скорбѣть и рыдать, полный сокрушенія». (Dist. IV, cap. 3). Мы можемъ здѣсь видѣть, съ какимъ искусствомъ проповѣдникъ умѣлъ посредствомъ постепенной градаціи вызвать въ слушателяхъ ужасъ вѣчности.

Среди этихъ писателей, проповѣдовавшихъ устраниеніе отъ міра и рассказывавшихъ житія святыхъ, является въ качествѣ писательницы сама святая и даетъ намъ въ непосредственныхъ выраженіяхъ своей искренности аскетическую идею среднихъ вѣковъ во всемъ ея чудовищномъ преувеличеніи. Земное существованіе святой Катерины Сіэнской еще при ея жизни было окутано легендой, и то, что о ней рассказывается, то, что, какъ она думала, она въ дѣйствительности пережила, постоянно переходитъ въ область сверхестественнаго. Она родилась въ 1347 году и была дочерью зажиточнаго красильщика Бенинказа въ Сіэнѣ. Еще будучи дѣвочкой, она, какъ говорятъ, обру-

чила съ небеснымъ женихомъ. Затѣмъ началась продолжительная борьба, однако не противъ собственной чувственности, ибо святая всегда оставалась незапятнанной; единственнымъ ея грѣхомъ, въ которомъ она и потомъ постоянно упрекала себя, было то обстоятельство, что нѣкоторое время, уступая настойчивымъ требованіямъ своей старшей сестры Буановентуры, она не вполне пренебрегала женскимъ туалетомъ. Самыя искушенія, о которыхъ говоритъ ея исповѣдникъ и біографъ Фра Раймондо делле Винье изъ Капуи, являются только навожденіемъ дьявола, призраками, по отношенію къ которымъ она оставалась совершенно безстрастной. Борьбу пришлось вести противъ родителей и братьевъ, вынуждавшихъ ее отречься отъ ея набожнаго рѣшенія и выйти замужъ. Но она съумѣла склонить ихъ духъ, такъ что въ концѣ концовъ ей была предоставлена полная свобода. Съ трудомъ удалось ей поступить въ орденъ доминиканскихъ монахинь (Mantellate), ибо тѣ, которыя не жили въ затворничествѣ, доставляли доступъ только вдовамъ. Въ одной изъ комнатъ своего родительскаго дома она всецѣло отдалась созерцательной жизни и религіознымъ подвигамъ, самымъ суровымъ лишеніямъ и бичеваніемъ; она опоясывалась желѣзной цѣпью, которая впивалась въ ея тѣло; ежедневно она трижды бичевала себя, такъ что кровь лилась струями. Она спала на доскѣ и постепенно все болѣе и болѣе уменьшала часы сна чтобы посвящать это время молитвѣ и созерцанію; она питалась только грубыми травами и пила простую воду, и блаженный Раймондо вѣрилъ, что, наконецъ, она уже совсѣмъ не вкушала никакой земной пищи и жила всецѣло въ духѣ. Такимъ образомъ тѣло ея постепенно истощалось. Послѣднее время ея жизни было временемъ постоянной немощи, которую она сносила съ ангельскимъ терпѣніемъ. Истинное ея существованіе было уже не на землѣ, но въ экстазѣ, въ видѣніяхъ, въ которыхъ ей открывался загробный міръ, между тѣмъ какъ земная ея оболочка лежала объятая спазмами. Ея приверженцамъ иногда казалось, что они видѣли, какъ ея духъ, объятый экстатическимъ состояніемъ, увлекалъ за собой тѣло и заставлялъ его витать въ воздухѣ, — фактъ, въ который вѣрила и она сама (напримѣръ Dialogo, cap. 142).

Вся жизнь святой была постояннымъ вздохомъ, сожалѣніемъ о небесномъ вѣнцѣ, земное бытіе казалось ей лишь замедленіемъ истиннаго счастья. вмѣстѣ съ радостями этого міра она презирала и топтала всѣ человѣческія побужденія и чувства, порывала всѣ узы, приковывающія сердце къ землѣ. Она любитъ ближняго только въ Богѣ, даже своихъ родныхъ она любитъ только въ Богѣ, озабочена только спасеніемъ ихъ душъ. Ея семья живетъ зажиточно; она умоляетъ Бога послать имъ бѣдность, на большее благо имъ, и ея молитва услышана. Она не молится о продолженіи жизни своего умирающаго отца, но радуется, что онъ возвращается домой, ибо она

увѣрилась, что онъ будетъ сопричисленъ къ лику блаженныхъ. Свою мать, лежащую на одрѣ болѣзни, она также убѣждаетъ подчиниться смерти, но старушка предпочитаетъ помедлить на землѣ. Эта madre Lara, съ ея простымъ здоровымъ разсудкомъ, съ ея нѣжными заботами о дочери, является симпатичной фигурой легенды, освѣжающимъ элементомъ въ этомъ чисто-спиритуальномъ мірѣ, гдѣ природа не смѣетъ возвысить свой голосъ. Богъ, котораго Катерина называетъ Богомъ любви, является страшнымъ Богомъ, если онъ требуетъ такой безграничной жертвы; но страшная монотонность и безрадостность существованія, которое она сама себѣ создала и которое насъ пугаетъ, представлялись ей совсѣмъ не въ такомъ свѣтѣ, при полномъ отреченіи отъ самой себя, при полномъ самозабвеніи единственнаго всепоглощающаго чувства. Небесный женихъ награждаетъ ее за ея вѣрность и твердость, она вѣритъ, что между ними самыя тѣсныя отношенія. Появляясь, онъ утѣшаетъ ее и одобряетъ, они вмѣстѣ бродятъ въ ея комнатѣ взадъ и впередъ, распѣвая псалмы. Въ одномъ видѣніи Спаситель надѣваетъ на нее обручальное кольцо, какъ это было съ ея сестрой по имени, святой Катериной Александрійской; незримое никому, ей постоянно видимо на ея пальцѣ это золотое кольцо, и позднѣе она, подобно Франциску, испытывала ощущеніе раны, но раны также невидимой для другихъ.

Подобно Доминику и Франциску, Катерина не могла удовольствоваться собственнымъ спасеніемъ; изъ благочестивой тишины затворнической кельи Христосъ посылаетъ ее въ смутную суету міра на дѣло помощи и исправленія. Сперва она колеблется; но она безстрашно можетъ отважиться пойти къ людямъ, потому что всегда въ самой себѣ носить свою келью; она щедрой рукой награждаетъ бѣдныхъ, отдаетъ имъ даже платье, которое сама носитъ; какъ служанка ухаживаетъ за самыми отвратительными больными, всѣми покинутыми. Она творитъ чудеса, обращаетъ извращенныя души, излѣчиваетъ тамъ, гдѣ врачи уже отчаялись, пробуждаетъ даже мертвыхъ, чтобы дать имъ время для покаянія; Богъ не противится ея ходатайствамъ; она споритъ съ нимъ, чтобы подвинуть его къ милосердію, она знаетъ, какъ велика ея власть у него и въ своихъ молитвахъ иногда говоритъ: «я такъ хочу». Около нея толпятся, изумляясь, почитая, иногда почти обожая ее, многочисленныя толпы юношей, мужчинъ и женщинъ, которые называютъ ее своею матерью или, какъ это она любитъ, даютъ ей фамиллярное наименованіе *la dolcissima mamma*.

Ея дѣятельность постепенно расширяется, приобрѣтая вліяніе на общественныя дѣла. Она устанавливаетъ миръ, какъ посредница во многихъ семейныхъ распряхъ. Она призываетъ къ миру князей и народы. Ея постоянной идеей является крестовый походъ всѣхъ христіанскихъ націй; она надѣется, что если папа

подниметь святое знамя, тогда всё сочetaanся вмѣстѣ и прекратятся всякіе споры.

Не менѣе страстно жаждетъ она церковной реформы; она закликаетъ папу устранить негодныхъ пастырей, вырвать съ корнемъ изъ сада Господня зловонные цвѣты, и, въ качествѣ перваго условія для этого великаго дѣла, требуетъ возвращенія папства къ его истинному мѣстопробыванію, въ Римѣ, желаніе, которое исполнилось (1377).

Въ виду того, что она устранила столько частныхъ раздоровъ, къ ея посредничеству хотѣли обратиться и флорентинцы въ своей войнѣ противъ папы Григорія XI. Въ 1376 году по ихъ порученію она отправилась въ Авиньень и безстрашно говорила въ консисторіи. Въ декабрь 1377 года она опять возвратилась во Флоренцію въ качествѣ посланницы Григорія, но, при всемъ почтеніи, которымъ она пользовалась, ее простое предствательство не могло привести къ желаннымъ перемѣнамъ; она увидала себя вынужденной обратиться къ другимъ, мірскимъ, средствамъ, должна была вмѣшаться во внутреннюю политику города, благодаря этому навлекла на себя вражду и во время возстанія 1378 года была близка къ желанной мученической смерти. Она удалилась, но вскорѣ вернулась назадъ, и наконецъ между папой Урбаномъ VI и Флоренціей былъ заключенъ миръ, правда, продиктованный не столько ея вліяніемъ, сколько давленіемъ обстоятельствъ. За этого римскаго папу, какъ за единственно законнаго, она боролась, когда послѣдовалъ церковный расколъ, боролась съ свойственной ей пламенностью, повсюду приобретаая своими пѣсьмами сторонниковъ и убѣждая его враговъ покориться. По желанію Урбана она переселилась въ Римъ (28 ноября 1378 года).

Разстройство церкви, совершившееся при ея жизни, омрачило ея послѣдніе дни глубокой скорбью. Она видѣла себя преслѣдуемой толпами демоновъ, которые осаждали церковь, и хотѣли выместить свою злобу на ней, на Катеринѣ Сіанской, какъ на вѣрной союзницѣ церкви. Въ одномъ письмѣ къ Фра Раймондо (п. 103, opere II, 650) она рассказываетъ о видѣніи, въ которомъ она проситъ Бога взять у нея жизнь, какъ жертву, и символически изобразить ея сердце на лицѣ ея невѣсты, церкви; и послѣ того какъ Богъ сдѣлалъ это, демоны начали громко выть, какъ будто они чувствовали невыносимую муку. Угасаніе ея жизни и все возрастающія боли она сама и ея ученики считали дѣломъ злыхъ духовъ или наказаніями, которыя она приняла на себя во искупленіе чужихъ грѣховъ. Она скончалась въ Римѣ 29 апрѣля 1380 г. на 33 году своей жизни. Вскорѣ распространилась слава, о ней, какъ о святой. Въ 1385 году Фра Раймондо, при торжественной обстановкѣ, отнесъ ея черепъ, какъ реликвию, въ доминиканскую церковь въ Сіанѣ; она сдѣлась святой покровительницей своего род-

наго города; но сопричислена къ лику святыхъ, она была только въ 1461 году сенезійцемъ папой Пиемъ II.

Катерина Сіэнская была дочерью народа; по обычаю своего времени она не получила никакого образованія. Лишь въ послѣдствіи она выучилась читать, какъ говорить преданіе, послѣ долгихъ тщетныхъ усилій—черезъ посредство мгновеннаго божественнаго соизволенія; письма свои она диктовала своимъ ученикамъ; только въ 1378 году, за полтора года до смерти она научилась писать и опять, какъ она думала, посредствомъ чуда, именно во снѣ. Вся ея начитанность ограничивалась двумя—тремя благочестивыми книгами. Поэтому мы не видимъ у нея обычной въ то время шумихи цитатъ, она цитируетъ иногда то или другое мѣсто изъ Библіи, какъ оно сохранилось у ней въ памяти; она пишетъ просто отъ полноты сердца; отсюда проистекаетъ все ея знаніе. Душа, которая въ любви соединена съ Богомъ, получаетъ отъ него свѣчувственное просвѣтленіе и дѣлается истиннымъ руководителемъ на пути къ спасенію; напротивъ, нельзя назвать руководителями тѣхъ, которые обладаютъ большою ученостью, прочли много книгъ и умѣютъ изысканно толковать Священное Писаніе, но не обладаютъ настоящей любовью. Такъ сама она говорила въ своемъ Dialogo (cap. 84).

Тѣ триста семьдесятъ три письма, которыя дошли до насъ отъ святой, написаны къ лицамъ разнаго состоянія, положенія и пола, и почти всѣ они отмѣчены однимъ характеромъ. Катерина Сіэнская не дѣлаетъ никакого различія между знатными и незнатными, она дѣлаетъ только различіе между душами, сообразно съ меньшимъ или большимъ ихъ совершенствомъ. Если своимъ смиреніемъ она была унижена до самыхъ мелкихъ существъ, сознаніе собственнаго предназначенія, возвышало ее до самыхъ высшихъ, и, будучи дочерью красильщика, она раздастъ совѣты, увѣщаетъ, поучаетъ, безъ страха и безъ всякихъ колебаній говорить съ папами и съ королями. Она является голосомъ самого Бога; обращаясь къ папѣ Григорію, она говоритъ (Lett. 4, Opege, II, 33): «Я вамъ говорю, сладостный Христосъ на землѣ, отъ лица Христа Небеснаго», и формула *da parte di Cristo crocifisso* повторяется постоянно въ ея письмахъ къ папамъ. Она пишетъ къ городскимъ магистратамъ, понуждая ихъ къ миру и къ справедливости. Она пишетъ къ людямъ военнымъ, къ вождямъ свирѣпыхъ наемныхъ шаекъ, желаетъ видѣть ихъ не слугами демоновъ, а рыцарями Христа, рекомендуетъ имъ частую молитву, преданность пресвятой Дѣвѣ. Она пишетъ къ докторамъ университетовъ и научаетъ ихъ истиннымъ путямъ познанія. Въ особенности часто пишетъ она сочленамъ орденовъ, увѣщая и порицая ихъ тамъ, гдѣ она видитъ холодность, ободряя и утѣшая тамъ, гдѣ находитъ добродѣтель; но въ сущности ей представляются холодными всѣ, кто не ищетъ мученичества.

Она посылаетъ шестнадцать писемъ флорентинскому портному Франческо ди Пипино и къ его женѣ Агнесѣ, хваля ихъ и поддерживая ихъ пылъ, два письма къ кожевнику въ Луккѣ Джіованни Перотти и разныя другія письма къ другимъ ремесленникамъ. Она пишетъ къ заключеннымъ въ Сіэнѣ, побуждая ихъ къ терпѣнію; она пишетъ къ одному еврею, называетъ и его возлюбленнымъ братомъ, и уговариваетъ его креститься; она пишетъ въ Перуджію къ одной продажной женщинѣ, въ надеждѣ обратить ее къ лучшей жизни.

Всѣ эти письма исполнены горячаго, нерѣдко бурнаго, краснорѣчія; въ общемъ, конечно, они производятъ на современнаго читателя впечатлѣніе страшной монотонности, благодаря постоянному повторенію однихъ и тѣхъ же мыслей и выраженій. Въ чувствахъ пишущей, въ ея настроеніи нѣтъ перемѣнъ, нѣтъ колебанія, ибо сопрیکосновеніе со всѣмъ земнымъ прекратилось и единственно, что ее занимаетъ, это пріобрѣтать души для Господа. Черезъ всѣ письма проходятъ увѣщанія, одна голая доктрина аскетизма, побуждающая убить всякую любовь къ самому себѣ и къ міру и любить все только въ Богѣ. Любовь къ себѣ, изъ которой простекаютъ всѣ пороки, дѣлается чуждой человѣку, какъ только онъ начинаетъ познавать себя; такимъ образомъ онъ проникается ненавистью къ чувственности и постигаетъ, что только въ Богѣ истина; онъ отвергаетъ свою собственную волю, вполнѣ подчиняясь волѣ Божіей и съ радостью переноситъ всѣ земныя утѣсненія. Внѣшнее покаяніе и словесная молитва представляются Катеринѣ не главной вещью, хотя она усиленно ихъ рекомендуетъ; главное, напротивъ, заключается въ чувствахъ. Отсюда, по ея мнѣнію, спасеніе возможно и въ мірскомъ состояніи, въ бракѣ, и при обладаніи земными благами, хотя полное отреченіе является лучшимъ совершенствомъ.

По манерѣ проповѣди, тонъ которой усвоенъ во всѣхъ этихъ письмахъ, она охотно пользуется образами и притчами. Она говоритъ: одѣньтесь въ мантию небесной любви, украсьте себя жемчугомъ справедливости, идите въ келью познанія самого себя и божественной благодати, помѣстите передъ виноградникомъ вашей души собаку совѣсти, которая лаетъ при приближеніи врага. Подобно проповѣднику, она любитъ также подчеркивать выбранный образъ, развивать его детали, доказывать ихъ примѣнимость къ изложенію, причемъ ни мало не заботится о большихъ странностяхъ и безвкусныхъ оборотахъ, по отношенію къ которымъ какъ она, такъ и приверженцы, не обладаютъ впечатлительностью. Въ письмѣ къ своей племянницѣ Наннѣ (Lett. 376, Op. III, 738) она пользуется образомъ пяти мудрыхъ дѣвъ; лампада—это наше сердце; до сихъ поръ все еще хорошо; но она на этомъ не останавливается: лампада сверху широка, снизу узка, такимъ же должно быть и наше сердце, расширяясь сверху благочестивыми мыслями и непрерывными молитвами, а снизу сужи-

ваясь по отношенію къ земнымъ вещамъ, которыя она презираетъ. Или: Сынъ Божій, Слово, является книгой нашего спасенія, написанной на древъ креста, не чернилами, а кровью, съ большими инициалами сладчайшихъ и святѣйшихъ ранъ Христа (Opere III 480). Въ своемъ величайшемъ видѣніи она видитъ Бога, который указываетъ ей на своего Сына, какъ на мостъ, возсоединившій землю съ небомъ, послѣ того какъ дорога была прервана: прекрасный и возвышенный образъ, который она однако вскорѣ портитъ мелочными подробностями; на этомъ мосту находится гостинница—для услады тѣхъ, кто восходитъ вверхъ, т. е. тайная вечеря (Dialogo cap. 66). Рану въ ребрѣ она также называетъ открытой гостинницей, (bottiga), исполненной благоуханія, настолько сильнаго, что въ ней даже грѣхъ дѣлается благовоннымъ. Тамъ покоится нѣжная цевѣста (душа) на ложѣ изъ огня и крови (Lett. 97 Op. II, 611), и она не колеблясь обращается потомъ къ Христу: «О, початая бочка вина, напоющая и опьяняющая каждое влюбленное желаніе». Именно въ такого рода причудливой высокопарности, которая старается посредствомъ грубо чувственнаго и вульгарнаго олицетворить чисто духовное, находить свое удовлетвореніе чрезмѣрный избытокъ чувства, характеризующій святую и общій всѣмъ мистикамъ. Стремленіе къ Богу является для нея голодомъ, проникновеніе его любовью—ѣдой, ѣдой также является приобрѣтеніе душъ для царства небснаго, и она хочетъ видѣть своихъ учениковъ «вкушающими и поѣдающими души во славу Господню». Добродѣтели «сварены на огнѣ божественной любви, и поѣдаются на столѣ Креста, т. е. добродѣтель приобрѣтается путемъ лишеній и усилій» (Lett. 159, Op. II 887).

Ей хочется видѣть флорентинскаго епископа Анджео да Риказоли «пригвожденнымъ посредствомъ святаго желанія къ древу святѣйшаго всепочитаемаго Креста, гдѣ мы найдемъ незапятнаннаго Агнца, изжареннаго на огнѣ божественной любви» (Lett. 36. Op. II, 226), т. е. она желаетъ видѣть, что онъ терпѣливо сноситъ всѣ страданія и трудности. Страсти Христовы вѣчно стоятъ передъ ея духовными взорами, въ формѣ этого образа она понимаетъ всякое человѣческое усовершенствованіе. Кровь Христова, какъ высшій знакъ божественной любви и напоминаніе о нашихъ обязанностяхъ, является для человѣка основой всякаго просвѣтленія. Она пишетъ драгоценной кровью Христа; этой формулой начинаются всѣ ея письма, она увѣщаетъ вкушать кровь и любить ее, питаться кровью, омыватъ лицо души кровью, купаться въ крови Христа, опьянять себя кровью, тонуть въ крови. Эти экзальтированныя выраженія постоянно повторяются въ ея письмахъ.

Многія изъ ея писемъ отмѣчены указаніемъ, что святая продиктовала ихъ въ состояніи экстаза; состояніемъ экстаза былъ по всей вѣроятности также обусловленъ весьма обширный трактатъ, возник-

шій въ октябрѣ 1378 г. и обыкновенно озаглавливаемый *Il dialogo della serafica santa Caterina da Siena*. По самому характеру произведе- нія врядь ли можно замѣтить что-нибудь касательно этого способа его происхожденія; ибо хотя оно и мечтательно, однако въ общемъ разсудочно, растянато и строго распланировано. Въ этомъ трактатѣ, впрочемъ, разсматривается то же самое видѣніе, о которомъ Катерина рассказываетъ въ одномъ письмѣ къ Фра Раймондо (*Leti. 90, Opere II, 572* и слѣд.), и совпаденіе многихъ мѣстъ книги съ письмомъ— дословное. Въ этомъ письмѣ рассказывается, что восхищенная душа обратилась къ Богу съ четырьмя просьбами,— одна о церковной ре- формѣ, одна за цѣлый міръ, одна за спасеніе людей и одна за от- дѣльную личность, съ которой приключилось несчастье; Богъ даетъ на эти просьбы свои отвѣты. Въ трактатѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ просьба за самую душу (касательно пути познанія), а двѣ послѣд- нія соединены вмѣстѣ (касательно провидѣнія вообще и частнаго случая). Но отвѣты Бога страшно растянуты и заключаютъ въ себѣ цѣлую доктрину, созданную святой и касающуюся спасенія и осуж- денія души, всѣ тѣ мысли, которыя мы находимъ въ письмахъ, от- носительно ступеней познанія и любви, относительно Провидѣнія и послушанія. Перемена отнюдь не сопровождалась выгодой, и видѣ- ніе, будучи растянато на 167 главъ, утратило главные элементы своей возвышенности. Истиннаго діалога здѣсь нѣтъ; душа только спрашиваетъ то здѣсь, то тамъ, молится, восхваляетъ, сѣтуетъ на людскую порочность; почти все время говоритъ Богъ-Отецъ, и го- воритъ растянато, доктринерски, врядь ли достойнымъ образомъ съ точки зрѣнія своего величія: «Бѣдное человѣческое слово» мѣтко говоритъ Карлъ Газе¹⁾, «не въ состояніи, однако, прямо превра- титься въ слово вѣчной истины, и тѣ слова Св. Писанія, которыя мы здѣсь видимъ вложенными въ уста Всевышняго, отличаются со- вершенно инымъ характеромъ». Святая Катерина избрала для сво- ихъ ученій форму слишкомъ претенціозную.

Къ этому времени относятся еще другія аскетическія письма, ко- торыя однако не могутъ сравниться по силѣ и жизненности съ пись- мами Катерины Сиенской; это письма блаженнаго Джіованни Колом- бини, блаженнаго Джіованни да Катиньяно, называвшагося Джіованни делле Челле по мѣсту его отшельнической жизни, и учениковъ святой Катерины, какъ напримѣръ: Фра Бартоломмео Доменичи. Однако изъ всей этой богатой литературы религиозныхъ сочиненій XIV вѣка можно отмѣтить лишь главнѣйшее.

«Божественная комедія» Данте не была явленіемъ изолированнымъ, она представляла изъ себя результатъ цѣлой эпохи. Тотъ духъ, ко- торымъ она пронизана, мы находимъ въ очень многихъ предшество-

¹⁾ Caterina von Siena, ein Heiligenbild. Leipzig, 1864, p. 209.

вавшихъ произведеніяхъ, мы вновь его встрѣчаемъ въ очень многихъ послѣдующихъ работахъ. Религіозный сюжетъ отличался народнымъ характеромъ. Данте вознесъ въ сферу искусства идеи и представленія, которыя глубоко коренились въ его эпохѣ и въ народной душѣ, идеи, жившія въ сознаниі всѣхъ. Въ «Божественной комедіи» итальянское средневѣковье получило свое высшее выраженіе. Послѣ Данте мы видимъ опять внезапное разъединеніе тѣхъ двухъ элементовъ, которые онъ такъ плодотворно соединилъ, и снова замѣчаемъ съ одной стороны безыскусственную народную литературу легендъ и проповѣдей, съ другой стороны лирическихъ поэтовъ, продолжающихъ традицію флорентинской школы, и поэтовъ-дидактиковъ, вращающихся въ сферѣ обнаженныхъ абстракцій. Люди ученые презираютъ образъ, «вымыселъ», какъ Чекко д'Асколи, или не въ состояніи владѣть имъ, какъ Фаціо дельи Уберти; аскеты презираютъ искусство, или, что болѣе обыкновенно, совсѣмъ его не знаютъ и достигаютъ эффекта лишь изрѣдка, сами не ища его. Что нибудь подобное творчеству Данте было уже болѣе невозможнымъ и въ особенности потому, что самое средневѣковье, въ Италиі ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, было уже на ущербѣ. Не то, чтобы религіозныя, политическія, художественныя воззрѣнія, бывшія для этой эпохи характеристичными, внезапно исчезли. Напротивъ, внѣшнимъ образомъ они еще продолжали сохранять свое прежнее значеніе; но наряду съ ними возникла новая манера смотрѣть на вещи, которая, незамѣтно мало-по-малу подкопалась подъ старыя воззрѣнія въ высшихъ слояхъ общества и въ концѣ концовъ совершенно ихъ вытѣснила. Это новое міровоззрѣніе было создано вліяніемъ классической древности, которое возростало все болѣе и болѣе.

Съ какимъ жаромъ классическія изученія продолжались уже въ XII вѣкѣ, лучшимъ свидѣтельствомъ этого является латинская поэзія и исторіографія въ Верхней Италиі, гдѣ народный языкъ почти еще всецѣло ограничивался народной литературой. Такимъ образомъ стихотвореніе нотарія Урсо, посвященное побѣдѣ генуэзцевъ надъ флотомъ Фридриха II, который напалъ на Геную въ 1242 г., представляетъ изъ себя ясное и удачное повѣствованіе въ гладкихъ гекзаметрахъ, съ приличными эпическому изложенію прикрасами. Доминиканецъ Стефанардо да Викомеркато (умеръ въ 1297 г.) въ напыщенныхъ стихахъ, загроможденныхъ классической мифологіей, воспѣлъ событія, имѣвшія мѣсто въ Миланѣ при архіепископѣ Оттоне Висконти (до 1377 г.). Гораздо болѣе значенія въ этой области представляютъ изъ себя работы падуанца Альбертино Муссато; онъ дѣйствительно имѣютъ литературный интересъ, а не одинъ интересъ эрудиціи, и рисуютъ намъ достопримѣчательную и возбуждающую сочувствіе личность.

Альбертино Муссато родился въ 1262 г. въ бѣдности, съ неустан-

нымъ упорствомъ старался выбиться на лучшую дорогу, былъ сперва переписчикомъ книгъ, потомъ нотаріемъ и добился благосостоянія и виднаго положенія; въ 1297 г. онъ былъ возведенъ въ рыцарское достоинство и принятъ въ большой совѣтъ; въ 1309 г. онъ былъ во Флоренціи однимъ изъ исполнителей *Ordinamenti della giustizia*. Во время римскаго похода Генриха VII онъ игралъ выдающуюся роль, съ большой ловкостью велъ дѣла своего города при разныхъ посольствахъ, предъ лицомъ императора, который питалъ къ нему весьма большое личное расположеніе и удостоилъ его большого довѣрія (1311). Муссато видѣлъ благо Падуи въ чистосердечномъ присоединеніи къ Имперіи; но когда такое стремленіе встрѣтило живое сопротивленіе народа, онъ тѣмъ не менѣе честно служилъ общественнымъ интересамъ, въ области административной дѣятельности, въ собраніяхъ совѣта, при военныхъ дѣйствіяхъ, противъ Виченцы и Канъ Гранде. Благодаря его неустрашимости была захвачена крѣпость *Villa Poiana* (1312). Въ лицѣ Муссато проявляются героическія добродѣтели гражданина-республиканца, который интересы своей Коммуны отождествляетъ съ собственными. При неудавшемся нападеніи на Виченцу въ 1314 г. онъ получилъ одиннадцать ранъ и попалъ въ плѣнъ, когда старался вплавъ спастись черезъ крѣпостные рвы. Но и на самого Канъ Гранде эта мужественная личность произвела импонирующее впечатлѣніе, онъ обращался съ Муссато гуманно и дружески, хотя былъ однимъ изъ его наиболее опасныхъ и непримиримыхъ враговъ. Когда по заключеніи мира онъ возвратился домой, на его долю выпала со стороны его согражданъ высшая почеть; въ награду за его заслуги какъ поэта и историка, въ особенности за трагедію *Esserinis*, онъ былъ увѣнчанъ вѣнкомъ изъ лавровъ, плюща и миртъ. Торжество превратилось въ настоящій общественный праздникъ, мастерскія закрылись, въ судахъ были отложены засѣданія, и было постановлено, чтобы изъ года въ годъ около Святокъ его произведенія читались и ему были выказываемы привѣтствія. Но это высокое признаніе не обезпечило его отъ паденія при позднѣйшемъ измѣненіи въ политическомъ положеніи города. Во время слѣдующихъ войнъ противъ Канъ-Гранде онъ также оказалъ значительныя заслуги, и два раза (въ 1321 г. и въ 1324 г.) въ качествѣ посланника отправлялся въ Германію. Когда во второй разъ онъ возвратился, ворота роднаго города оказались для него закрытыми (1325); Марсиліо да Каррара, нѣкогда его другъ, сдѣлавшись теперь синьоре падуанскимъ, повелѣлъ издать указъ объ его изгнаніи въ Кіуджію. Предлогомъ къ этому послужило участіе Гвальпертино, брата Муссато, и Виталиано, его сына, въ кровавомъ возстаніи Паоло Денте, вочима Альбертино, противъ фамиліи Каррара. Въ дѣйствительности, какъ было предположено, Марсиліо побоялся присутствія Муссато, какъ препятствія для своихъ плановъ. Когда въ 1328 г. городъ былъ

переданъ Канъ-Гранде, Альбертино пытался вернуться, но вскорѣ долженъ былъ снова удалиться въ Кюджію; у него отнята была даже часть его владѣній, и 31 мая 1329 г. онъ умеръ въ бѣдности и въ изгнаніи, представляя изъ себя живой и поразительный примѣръ неблагодарности и внезапной перемѣны счастья,—примѣръ, какихъ много въ исторіи республикъ.

Изъ двухъ его большихъ историческихъ произведеній въ одномъ разсматривается походъ Генриха VII, *Historia Augusta* или *De Gestis Henrici VII Cesaris*, въ 16 книгахъ, въ другомъ описываются событія послѣ смерти Генриха, въ особенности событія, связанныя съ Падуей, до 1329 года, *De Gestis Italicorum post Henricum VII Cesarem*, въ 15 книгахъ, насколько теперь извѣстно, но съ большимъ пробѣломъ послѣ предпоследней.

Третья историческая работа Муссато о Людовикѣ Баварскомъ была прервана его смертью. Совершенная Канъ-Гранде въ 1320 г., осада Падуи, о которой уже было рассказано въ *De Gestis Italicorum*, вновь рассказана въ трехъ книгахъ, въ гекзаметрахъ и въ стилѣ эпическомъ, какъ онъ говоритъ, по желанію товарищества падуанскихъ нотаріевъ, чтобы сдѣлать рассказъ болѣе привлекательнымъ для людей мало образованныхъ. Въ прозѣ, какъ онъ думалъ, онъ примѣнялъ болѣе высокой стиль. Онъ бралъ за образецъ своего соотечественника Ливія, строилъ періоды по его манерѣ, подобно ему часто употреблялъ косвенную рѣчь въ большемъ размѣрѣ, называлъ даже, насколько это было возможно, римскими именами институцій и магистраты, такъ на примѣръ, онъ говоритъ о комиціяхъ вмѣсто избирательныхъ совѣтовъ, о падуанскихъ *tribuni plebis*, quos *gastaldiones appellant*, о трибахъ, декуріонахъ, сенатусконсультахъ, плебисцитахъ и войсковыхъ когортахъ. По древнему обычаю вездѣ, гдѣ ему случается говорить о себѣ, онъ говоритъ въ третьемъ лицѣ. Но онъ съ трудомъ слѣдуетъ за своимъ образцомъ и потому дѣлается темнымъ и тяжелоувѣснымъ; тонъ, который былъ умѣстенъ тамъ, гдѣ дѣло шло о развитіи римскаго государства, не всегда подходилъ къ описанію мелкихъ коммунальныхъ распрей, и вмѣстѣ съ тѣмъ изложеніе, усваивая чуждую форму, теряетъ въ свѣжести, дѣлается мертвымъ и скованнымъ. Мы можемъ видѣть всю разницу сравнительно съ Салимбене, который безъ всякихъ претензій писалъ себѣ своей плохенькой латынью, какъ онъ думалъ и чувствовалъ. Но сочиненія Муссато являются весьма важными историческими источниками. Онъ рассказываетъ по большей части о вещахъ, которыя видѣлъ собственными глазами и которыми часто самъ руководилъ, онъ писалъ, руководимый любовью къ самой строгой истинѣ и, насколько ему позволяли его собственныя рѣшительныя убѣжденія, стремился освободиться отъ партійныхъ предразсудковъ. Эту любовь къ правдѣ онъ прежде всего ставитъ себѣ въ заслугу въ письмѣ къ императору Генриху, и когда

Марсилью да Каррара, желая прикрыть низкое измѣнничество, совершенное противъ него, послалъ ему сказать, что онъ слышалъ, будто въ его исторіи онъ будетъ представленъ измѣнникомъ, Муссато отвѣчалъ (*De Gest. ital.*, XII, p. 107): «пусть Марсилью не думаетъ и не боится, что въ его манускрипты проникнетъ что нибудь, кромѣ правды; тутъ будутъ представлены событія, какъ они были въ дѣйствительности, они будутъ переданы потомству, и сообразно съ ними потомки будутъ высказывать похвалу или порицанія, — Муссато будетъ не судьей, а свидѣтелемъ». Если, тѣмъ не менѣе, онъ представилъ сторонниковъ Каррара въ болѣе черномъ свѣтѣ, чѣмъ каковы они были въ дѣйствительности, его извиняетъ несправедливость, которую они причинили ему; это пунктъ, гдѣ кончается безпристрастіе всякаго человѣка. Находясь въ изгнаніи, съ его изолированностью, огорченіями и одиночествомъ, Муссато естественно долженъ былъ повѣрить всѣмъ неблагопріятнымъ слухамъ о своихъ врагахъ, которые до него доходили. Латинскій языкъ Муссато какъ въ прозаическихъ, такъ и въ стихотворныхъ его произведеніяхъ, конечно, еще не можетъ быть сравниваемъ съ языкомъ Петрарки, но онъ чише латинскаго языка Данте, а также и Боккаччіо.

Трагедія Муссато *Escelinis* написана съ явной политической тенденціей. Авторъ видѣлъ опасность, которая угрожала его родному городу со стороны Канъ Гранде делла Скала, и хотѣлъ предостеречь своихъ согражданъ, побудить ихъ къ сопротивленію; онъ указывалъ имъ, что ихъ ожидаетъ, рисуя передъ ихъ глазами портретъ тирана Эццелино да Романо, который господствовалъ надъ городомъ 60 лѣтъ тому назадъ, и его брата Альберико. Примѣры ихъ жестокости были живы въ памяти у всѣхъ, и въ представленіи потомства эти мрачныя фигуры приняли размѣры еще болѣе ужасающіе; народная вѣра сдѣлала ихъ порожденіями дьявола. Именно въ такомъ смыслѣ они являются въ драмѣ Муссато. Какъ и слѣдуетъ ожидать, драма эта не имѣетъ ничего общаго съ народными религіозными зрѣлищами того времени, она представляетъ изъ себя подражаніе древнимъ, то есть Сенекъ, подражаніе единственному классическому трагику, котораго тогда знали и который на цѣлыя столѣтія остался образцомъ ученой трагедіи. Такимъ образомъ эта драма является соединеніемъ декламаци, повѣствованія и хора; рассказъ вѣстника о смерти Эццелино занимаетъ почти весь четвертый актъ; рассказъ объ ужасной смерти Альберико и его семьи занимаетъ весь пятый актъ. Истиннаго дѣйствія нѣтъ; фигуры являются не характерами, а общими типами; наибольшее драматическое дѣйствіе сконцентрировано въ началѣ, хотя и здѣсь оно ничтожно, это рассказъ матери о чудовищномъ происхожденіи обоихъ тирановъ, ихъ адская радость по поводу такого открытія, свидѣтельствующая о томъ, что они являются истинными порожденіями сатаны. Дѣйствительно — живымъ

элементомъ въ произведеніи является патріотизмъ автора, его любовь къ свободѣ, его ненависть къ притѣснителю: «Эццелино, справедливо говоритъ Занелла ¹⁾), болѣе чѣмъ трагедія, она гимнъ падуанской свободы; сентенціи хоровъ, рассказъ вѣстниковъ, проповѣдь которую говоритъ Фра Лука, живо рисуютъ предъ нами, отъ какого страшнаго ярма освободился городъ».

Таково было главное намѣреніе, и отсюда проистекало сильное впечатлѣніе, которое драма производила на падуанцевъ и которому, главнымъ образомъ, поэтъ былъ обязанъ своимъ вѣнкомъ.

Если въ сферѣ исторической прозы образцомъ Муссато былъ Ливій, въ ямбахъ и въ хорахъ его трагедіи—Сенека,—въ двустипіяхъ онъ избралъ образцомъ Овидія, болѣе счастливый оригиналъ, который помогъ ему достичь большей ясности и законченности. Наиболѣе зрѣлой эта форма оказывается въ принадлежащихъ къ его преклонному возрасту религиозныхъ стихотвореніяхъ, *Soliloquia*; четвертое стихотвореніе къ св. Павлу и къ св. Августину написано имъ въ возрастѣ около 60-ти лѣтъ. Но болѣе интересны его письма и элегіи, гдѣ онъ постоянно касается своей собственной личности. Такъ лучшимъ его стихотвореніемъ является элегія *De celebratione suae diei nativitatis fienda vel non*, написанная въ возрастѣ 55-ти лѣтъ; это ретроспективный взглядъ на его бурную жизнь, на его трудовую юность съ блаженствомъ бѣдности и работы, на его позднѣйшіе годы съ почестями и богатствами, съ недовольствомъ и опасностями. Въ письмахъ высказывается яркое сознаніе собственнаго достоинства, справедливая гордость, основанная на оказанныхъ услугахъ. Съ какимъ удовольствіемъ онъ вспоминаетъ о необыкновенномъ расположеніи къ нему со стороны императора Генриха, о мудрыхъ совѣтахъ, которые онъ давалъ своимъ согражданамъ, о празднествѣ, когда онъ былъ увѣнчанъ, какъ поэтъ! Онъ имѣетъ высокое представленіе о достоинствѣ и значеніи литературной дѣятельности; въ официальныхъ документахъ онъ называется *poeta et historiographus Paduanus*, титулъ врядъ ли встрѣчавшійся въ предшествовавшія времена. Для него, какъ для Данте, искусство поэтического творчества является священнымъ дѣломъ поученія, знаніемъ ниспосылаемымъ свыше; поэзія является философіей или скорѣе теологіей, облеченной въ покровъ мистическихъ аллегорій. Библия учитъ насъ непосредственно, поэты учатъ тому же подъ покровомъ вымысла, имѣющаго цѣлью привлечь и очаровать умы; такъ напримѣръ, возмущеніе титановъ противъ Юпитера означаетъ подыдругими наименованіями ничто иное, какъ Вавилонское столпотвореніе. Этотъ взглядъ онъ защищалъ противъ нападокъ доминиканца Джіованнино изъ Мантуи, который презрительно относился къ поэзіи

¹⁾ Scritti varii, p. 414. Firenze, 1877.

и отрицалъ ея божественное происхождение. Такое пониманіе поэзии и мифологическихъ вымысловъ, какъ преображенной теологии, еще долгое время было въ ходу; въ особенности ясно оно было вновь высказано Боккаччо.

Муссато также приписывались десять эклогъ, но какимъ образомъ они могли происходить отъ него, если въ девятой эклогѣ прославляются Барнабо и Галеаццо Висконти, которые правили не ранѣе, какъ съ 1354 г.? Впрочемъ, мы оказываемъ ему услугу, освобождая его отъ авторства этихъ вычурныхъ и по большей части совершенно непостижимыхъ стихотвореній.

Феррето изъ Виченцы (род. около 1295 г., умеръ въ 1337 г.), написалъ поэму въ четырехъ книгахъ, сочиненную въ 1328 г. или 1329 г., гдѣ онъ прославилъ того же самаго Канъ Гранде делла Скала, противъ котораго боролся Муссато; онъ воспѣлъ его происхождение и его юность до римскаго похода Генриха. Если у Муссато Эццелино является образцомъ веронскаго тирана, служащаго для Падуи предостереженіемъ, у Феррето, который писалъ въ то время, какъ его родной городъ, Виченца, находился во власти Кане, онъ является напротивъ контрастомъ Скалиджери, благодаря чему его достоинства выступаютъ еще блистательнѣе; поэтому въ первой книгѣ подробно рассказанъ ужасный конецъ двухъ братьевъ да Романо, въ соотвѣтствіи съ трагедіей Муссато, и нерѣдко въ выраженіяхъ, взятыхъ изъ нея.

Вся поэма является монотоннымъ дѣланнымъ панегирикомъ, похвалы нечистосердечны, и въ прозаической исторіи, написанной около 1330 г., послѣ смерти Кане, авторъ высказываетъ о князѣ мнѣніе гораздо менѣе благопріятное. Эта *Historia* Феррето въ семи книгахъ, изъ которыхъ послѣдняя некончена, рассматриваетъ исторію Италіи вообще и исторію Виченцы и Падуи въ особенности, отъ смерти Фридриха II до 1318 г.; вѣроятно, она должна была быть продолжена далѣе. Въ предисловіи и въ другихъ мѣстахъ по адресу Муссато высказывается большое преклоненіе, но Феррето превосходитъ его ясностью въ порядкѣ изложенія и умѣніемъ выбирать факты, стиль его — болѣе легкій и изящный и только примѣсъ поэтическихъ выраженій служить ему не къ выгодѣ. Феррето въ большей мѣрѣ обладаетъ искусствомъ историческаго изложенія; но онъ уступаетъ Муссато, какъ историческій источникъ, ибо у него нѣтъ такого большого непосредственнаго знакомства съ фактами и ему недостаетъ того высокаго этического сознанія, при всей его любви всюду вплетать размышленія, морализаціи и сѣтованія по поводу испорченности его времени.

Какъ полагаетъ Занелла¹⁾, его склонность къ инвективѣ должна быть объяснена вліяніемъ Данте: его онъ отлично зналъ, цитировалъ

¹⁾ I. c. pag. 92 Sgg.

какъ историческій источникъ и оплакалъ его смерть въ одномъ латинскомъ стихотвореніи, теперь утраченномъ.

Муссато и Феррето являются центральными пунктами болѣе обширной литературной дѣятельности; вокругъ нихъ группируются другіе латинскіе писатели, какъ Ловато изъ Падуи и Бенвенуто ди Кампезани изъ Виченцы, оба болѣе старые. Но отъ нихъ осталось немного или совсѣмъ ничего. Такимъ образомъ, если мы находимъ у этихъ поэтовъ и прозаиковъ Верхней Италіи большее ознакомленіе съ классической древностью, болѣе чистый языкъ, большее умѣніе владѣть художественными приемами, всетаки они продолжаютъ идти въ томъ же самомъ направленіи, какъ и ихъ средневѣковые предшественники. Въ теченіи среднихъ вѣковъ къ древнимъ авторамъ относились съ преклоненіемъ, болѣе того съ идолопоклонствомъ, но это отношеніе было одностороннимъ; классическіе писатели представляли изъ себя кладезь мудрости и образецъ внѣшнихъ формъ, риторическихъ приемовъ изложенія. У Данте было значительнымъ и эстетическое вліяніе древнихъ. Не то, чтобы его воззрѣнія касательно ихъ отличались отъ воззрѣній, свойственныхъ другимъ, не то, чтобы онъ искалъ у нихъ чего-нибудь иного, сравнительно съ своими современниками; нѣтъ, но его геній воспламенялся при соприкосновеніи съ живой красотой, и онъ былъ обязанъ древнимъ наиболѣе тамъ, гдѣ онъ наименѣе стремился къ сознательному подражанію. Однако изученіе ихъ было въ его искусствѣ лишь однимъ элементомъ наряду съ элементами другими, а не основаніемъ; его творчество сохраняло средневѣковой характеръ. Древность разсматривалась не какъ контрастъ настоящаго, она примирялась съ нимъ и съ его интересами, проникалась его идеями; классическіе авторы, взятые сами по себѣ, являлись составной частью традиціонной средневѣковой культуры. Муссато, Данте, при всемъ ихъ преклоненіи передъ древними, всей душой принадлежатъ своей эпохѣ, всецѣло заняты ею. Характеристической чертой Ренессанса является напротивъ отчужденіе отъ настоящаго и отъ недавняго прошлаго, онъ порываетъ съ традиціями, всецѣло погружается въ древность, которая представляется единственнымъ образцомъ, единственнымъ идеаломъ, которую стремятся оживить въ полномъ объемѣ, устранивъ существующее, какъ фактъ вырожденія. Петрарка представляетъ начало этого новаго движенія.

Если такимъ образомъ второй великій итальянскій поэтъ, при сопоставленіи съ Данте, представляется индивидуальностью совершенно отличной, это имѣло свое основаніе прежде всего въ томъ обстоятельстве, что самыя времена перемѣнились. Но не это одно: какъ ни много можно объяснить въ литературѣ вліяніемъ духа времени, однако гораздо больше нужно относить на счетъ индивидуальности самихъ авторовъ. И врядъ ли можно себѣ представить

двѣ личности болѣе различныя, нежели Данте и Петрарка. Первый является характеромъ энергическимъ, непреклоннымъ въ буряхъ жизни, которыя онъ умѣлъ выносить, какъ немногіе, принимая горячее участіе въ борьбѣ и въ волненіяхъ своего времени. Петрарка былъ натурой мягкой и неустойчивой, болѣе предрасположенной къ созерцанію, нежели къ практической дѣятельности, онъ былъ занятъ гораздо больше своимъ внутреннимъ міромъ, чѣмъ людьми и явленіями, его окружавшими. Если поэтому Данте былъ способенъ создавать фигуры, полныя драматической жизни, Петрарка былъ предназначенъ къ поэзіи лирической; предметомъ, его занимавшимъ, былъ не вѣншній міръ, представлявшійся ему ничтожнымъ и пустымъ, а собственная душа со всѣмъ многообразіемъ ея ощущеній.

ПЕТРАРКА.

Франческо Петрарка былъ сыномъ Серъ Петрарко (т. е. Витто) изъ Серъ Павенно на рѣкѣ Адда въ провинціи Павія. Франческо Петрарка, вмѣсто Франческо изъ Павіи, въ юности перенесъ въ Ареццо, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ переехалъ въ Монтекатіни, гдѣ онъ прожилъ до конца жизни. Франческо Петрарка родился 7-го июля 1304 г. въ городѣ Арденно, въ провинціи Павія. Онъ былъ вторымъ ребенкомъ въ семьѣ, состоявшей изъ отца, матери и двухъ братьевъ. Франческо Петрарка получилъ хорошее образованіе въ Монтекатіни, гдѣ онъ изучилъ латинскій языкъ и философію. Онъ былъ ученикомъ знаменитаго философа Габриэля Салватики. Франческо Петрарка началъ писать стихи въ юности, и его поэзія достигла высокой степени совершенства. Онъ написалъ много лирическихъ стиховъ, въ которыхъ онъ выразилъ свои чувства и мысли. Франческо Петрарка былъ однимъ изъ величайшихъ поэтовъ своего времени. Онъ оказалъ огромное вліяніе на итальянскую поэзію и на поэзію другихъ странъ Европы. Франческо Петрарка умеръ 18-го июля 1374 г. въ городѣ Арденно. Онъ былъ похороненъ въ соборѣ св. Франческо въ Монтекатіни.

